

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Специальность: 5710.01 – Тюркские языки
5704.01 – Теория языка

Отрасль науки: Языкознание

Соискатель: **Айнель Энвер кызы Мешадиева**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора наук

Баку – 2021

Диссертационная работа выполнена в отделе Тюркских языков Института Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Научный

консультант: доктор филологических наук, профессор
Масуд Ахмед оглы Махмудов

Официальные

оппоненты: академик
Камал Мехди оглы Абдуллаев

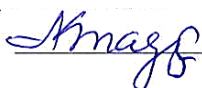
доктор филологических наук, профессор
Руфат Ашраф оглы Рустамов

доктор филологических наук, профессор
Бахар Джумай кызы Джафарова

доктор филологических наук, профессор
Земфира Шахназар кызы Мамедова

Диссертационный совет ED 1.06 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Института Языкознания имени Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Председатель диссертационного совета: академик, доктор филологических наук, профессор

Мохсун Зеллабдин оглы Нагисойлу

Ученый секретарь диссертационного

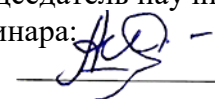
совета: доктор философии по филологии, доцент

Севиндж Юсиф кызы Мамедова

Председатель научного

семинара: доктор филологических наук

Земфира Муса кызы Алиева

ВВЕДЕНИЕ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, раскрывается цель и задачи, выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, указываются методы и материалы исследования. Введение также содержит анализ неличных форм глагола и краткий обзор истории изучения неличных форм глагола в тюркском языкознании.

Актуальность темы исследования и степень ее разработанности. В языкознании неличные формы глагола (причастие, инфинитив, деепричастие) имеют большое значение. Инфинитивные (неличные, неспрягаемые) формы глаголов являются собой результат транспозиционных переходов. В результате такого перехода семантика одной части речи отражается в другой. При этом принимается во внимание значение как исходной, так и результативной категории слов. Слово именуется гибридным, поскольку его номинативная структура представляет собой сочетание двух различных категориальных основ.

Неличные формы глагола в тюркских языках хоть и изучены подробно, но все же есть проблемы, требующие новых подходов. В частности, в тюркологии ещё не исследована проблема системного сравнительного функционально-семантического анализа неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах. В связи с этим, сравнительное изучение данных форм глаголов в тюркских языках дает возможность раскрыть их общие и отличительные черты.

Неличные формы глагола пронизывают лексическую, морфологическую, синтаксическую системы тюркских языков.

Многогранное исследование неличных форм глагола в тюркских языках в сравнительном аспекте является одной из актуальных задач тюркологии, так как посредством сравнительно-исторического анализа раскрывается история развития фонетических, морфологических и синтаксических особенностей деепричастий, причастий, инфинитивов, а также исследуются некоторые вопросы их становления и формирования.

Раскрытие особенностей, существующих между родственными языками, составляет предмет сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Сравнительно-исторический метод, несомненно, был одним из ведущих методов, используемых при сравнении материалов тюркских языков и способствовал дальнейшему развитию различных областей языкознания.

Необходимость изучения неличных форм глагола в тюркских языках определяется ролью, которую они играют в предложении как самостоятельно, так и в сочетании с другими формами и служебно-вспомогательными глаголами, выражая различные видовременные и модальные оттенки действия. Сравнительное исследование отдельных структурных элементов и грамматических категорий в рассматриваемых языках имеют большое научное значение. Сравнительно-исторический метод, как известно, является одним из ведущих методов, используемых при сравнении фактов тюркских языков и способствует дальнейшему развитию различных областей языкознания.

Сравнительно-историческое изучение различных тюркских языков является наиболее важной и необходимой задачей современной тюркологии. Необходимость данного изучения, прежде всего, диктуется тем, что лишь применением сравнительного и сравнительно-исторического методов можно более глубоко проникнуть в суть языковых фактов и их связей.

Так, сравнительно - исторический анализ неличных форм глагола в тюркских языках позволит глубже понять их природу как наиболее обширного класса в системе глагола. Помимо этого, системное и сравнительно-историческое исследование состава, значений и функций неличных форм глагола в данных языках позволит выявить как их сходные, так и отличительные особенности.

Несмотря на то, что неличные формы глагола в тюркских языках в отдельности исследованы подробно, существуют проблемы, требующие новых комплексных подходов. Так, в тюркском языкознании ещё не разработана проблема системного сравнительного функционально-семантического анализа нелич-

ных форм глагола в тюркских языках и их диалектах. Ввиду этого, сравнительный анализ данных форм глагола в тюркских языках дает возможность раскрыть их сходные и дифференциальные свойства.

Разностороннее исследование неличных форм глагола в тюркских языках в сравнительном аспекте является одной из актуальных задач тюркологии, поскольку посредством сравнительно-исторического анализа раскрывается история развития их фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, а также освещаются некоторые вопросы их становления и формирования.

Это, в свою очередь, обосновывает *актуальность* выбранной темы диссертации.

Актуальность исследования также заключается в том, что в тюркологии отсутствуют специальные монографические исследования, посвященные подробному сравнительному анализу неличных форм глагола тюркских языков. Неличные формы глагола либо изучены лишь в отдельном тюркском языке, либо в отдельном тюркском языке изучена лишь одна из неличных форм глагола. Так, исследуемые формы глагола не подвергались системному монографическому исследованию во всех существующих тюркских языках.

Все это предопределяет актуальность исследования и необходимость как теоретического, так и практического анализа неличных форм глагола в тюркских языках.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются неличные формы глагола (деепричастия, причастия и инфинитивы) в тюркских языках и их диалектах. Предметом исследования являются структурно-морфологические, фонетические и синтаксические особенности и грамматический статус неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертации является проведение сравнительно-исторического анализа структурно-морфологических, фонетических и синтаксических особенностей неличных форм глагола в тюркских языках для выявления степени их сходства и различий, а также выяснение

их грамматического статуса и специфических признаков.

Цель исследования предполагает постановку и решение следующих задач:

-рассмотреть историю изучения неличных форм глагола в тюркском языкознании;

-дать по возможности полную грамматическую характеристику и провести подробный этимологический анализ неличных форм глагола в тюркских языках;

-выявить сходные и отличительные признаки неличных форм глагола в тюркских языках на семантико-грамматическом и синтаксическом уровнях;

-проанализировать значения неличных форм глагола тюркских языков;

-выяснить грамматический статус неличных форм глагола в тюркских языках;

-рассмотреть специфические неличные формы тюркских языков;

Методы исследования. В диссертационной работе использован комплекс лингвистических методов: описательный, сравнительно-исторический. Исследование проводилось в синхронном и диахронном аспектах. При работе над диссертацией также были использованы такие исследовательские приемы, как аналогия, противопоставление, наблюдение и обобщение.

Ключевые положения, выносимые на защиту:

-Сравнительно-историческое исследование неличных форм глагола в тюркских языках, их структуры, состава, способов выражения и классификации дало возможность выявить степень сходства и различия в фонетических, семантических, морфологических и синтаксических функциях исследуемых форм глагола.

-Неличные формы глагола в тюркских языках, являют собой результат исторических процессов, эволюции систем грамматических форм. В процессе исследования наблюдается, что основу неличных форм глагола составляют давно сложившиеся формы, имеющие различную этимологию. а отдельная часть этих форм

являются новыми.

-Большинство неличных форм глагола в тюркских языках в настоящее время завершило свой процесс становления и грамматикализации и представляют собой сформировавшиеся формы со своей семантикой и функциями.

-Неличные формы глагола в тюркских языках характеризуются рядом сходных и отличительных признаков, а также различаются по своему происхождению, семантике, и образованию.

-В тюркских языках деепричастия не являются совершенно неизменяемой формой глагола. Данное воззрение подтверждается фактами, где зарегистрированы случаи принятия некоторыми деепричастиями аффиксов лица и падежа в отдельных тюркских языках. Так, большинство деепричастных форм якутского языка (за исключением деепричастий на - *бытынан* и - *бычча*), карачаево-балкарского, узбекского, туркменского, тувинского, башкирского, кумыкского и др. языков способны принимать личные и падежные аффиксы.

-Первичные деепричастия, будучи самыми древними по происхождению, встречаются почти во всех тюркских языках и семантически очень близки. Первичные деепричастные формы подобно вторичным деепричастным формам имеют причастное или отглагольно-именное происхождение. Предположение о причастном происхождении первичных деепричастных форм основывается на том факте, что в тюркских языках деепричастия могут употребляться в роли причастий, а причастия – в роли деепричастий. К примеру, в туркменском языке причастия на *-ар, -ер* часто выступают в роли деепричастий на *-ын*⁴.

-В тюркских языках не зафиксированы некоторые деепричастные формы.

Так, в современном чувашском и якутском языках деепричастная форма на *-ын*⁴ не наблюдается. В современном чувашском языке деепричастной форме на *-ын*⁴ соответствует деепричастие на *-са/ -се*, в якутском - деепричастие на *-ан, -эн, -он, -өн*.

-Деепричастия на *-ын* в языке орхоно-енисейских памятников в отличие от современных тюркских языков были более распространенными. Эта форма в языке орхоно-енисейских памятни-

ков употребляется с глухим согласным «п», а в некоторых современных тюркских языках - со звонким согласным «б». Первичной формой деепричастия на *-ып* является форма с глухим согласным «п».

-Некоторые деепричастные формы встречаются либо в отдельных тюркских языках (деепричастия на *-гач*, *-анда*, *-док* и т.д.), либо являются специфическими формами одного тюркского языка (деепричастия якутского и чувашского языков). Интересен тот факт, что некоторые деепричастные формы в диалектах и говорах тюркских языков функционируют не только как деепричастия, но и как инфинитив (деепричастие на *-галы* в диалекте западно-сибирских татар).

-Уникальность причастных форм в тюркских языках заключается в том, что они могут принимать аффиксы лица, падежей и принадлежности имен, а также в предложении занимают синтаксическую позицию определения.

-Причастие в тюркских языках с диахронической точки зрения имело предикативную функцию. В синхроническом аспекте оно является единством предмета и его действия.

-Современное причастие претерпело видимые изменения, вследствие которых некоторые причастные формы можно причислить к производным глагольным образованиям.

-Тюркские причастия по своим синтаксическим и морфологическим признакам очень специфичны. Их специфика определяется в основном агглютинативным строем тюркских языков. Вследствие влияния неродственных и родственных языков, исторических процессов, произошедших в тюркских языках, проявляются отличительные особенности в синтаксисе и морфологии этих языков. Этим и объясняется особенное развитие причастных форм тюркских языков.

-Некоторые причастия имеют только атрибутивное значение, к примеру, причастная форма на *-йасу* в древнеуйгурском языке, форма на *-мокчи* в узбекском, общетюркское причастие на *-(у)ан*, другие же причастия в основном передают атрибутивное и предикативное значение, например, формы на *-ар* и *-мыш*, форма на *-ааччы* в якутском.

-Относительно грамматического статуса причастий в тюркских языках, целесообразно отметить, что оно не является самостоятельной частью речи, а являет собой часть системы глагола;

-Некоторые причастные аффиксы являются общими для тюркских языков. Вместе с тем, встречаются некоторые причастные формы, присущие исключительно либо языку древнетюркских письменных памятников, либо современным тюркским языкам. Помимо этого, отдельные причастные формы в некоторых диалектах и говорах тюркских языков выступает либо в качестве инфинитива (причастная форма на *-asi/-esi* в диалектах татарского языка), либо заменяют в предложении будущее на *-acak* и прошлое на *-miş* времена глагола (причастная форма на *-asi/-esi* в диалектах турецкого языка). Такого рода особенности употребления зависят влиянием, как экстралингвистических факторов, так и собственно изменениями в грамматической системе тюркских языков.

-В системе имен действия встречаются промежуточные формы, которые ещё полностью не перешли в ту или иную группу неличных форм глагола. К таковым относится форма на *-ыш*.

-Имена действия в предложении выступают в качестве подлежащего, дополнения, а также сказуемого. В тюркских языках преимущественно кыпчакской группы помимо первичных, функционируют также вторичные имена действия. Семантически вторичные имена действия совпадают с первичными. Однако, в отличие от первичных имен действий, вторичные имеют оттенок прошедшего времени. К примеру, вторичные имена действия на *-ганлык/-гэнлек* в татарском языке.

-Инфинитивные формы в тюркских языках обладают как именными, так и глагольными признаками, однако, для каждой формы характерны специфические функционально-семантические признаки.

-Процесс перехода инфинитива на *-mak/-mek* в разряд существительных наблюдается преимущественно в киргизском, ногайском, башкирском, каракалпакском, татарском, шорском и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа является первым монографическим, комплексным исследованием неличных форм глагола в тюркских языках и их

диалектах в функционально-семантическом плане. В данной работе впервые подробно и систематически рассматриваются грамматическая сущность неличных форм глагола, их основные структурно-семантические, фонетические и синтаксические особенности в тюркских языках. В диссертационной работе впервые был использован метод обобщения при исследовании тюркских языков, а также выявлены эквиваленты древнетюркских причастных аффиксов в тюркских языках. Впервые был выявлен грамматический статус деепричастий, причастий и инфинитивов в тюркских языках. Помимо этого, был доказан статус изменяемости тюркских деепричастий. Здесь также были выявлены сходные и отличительные признаки структурно-семантических и синтаксических особенностей неличных форм глагола в тюркских языках в сравнении с их диалектами и говорами. В процессе сравнительного анализа было определено количественное превосходство фонетических вариантов аффиксов неличных форм глагола в диалектах и говорах тюркских языков. В диссертации впервые выявлена степень распространенности неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах, а также исследованы специфические формы деепричастных и причастных форм глагола в тюркских языках и их диалектах.

Научная значимость диссертации состоит в том, что выполненное в ней сравнительно-историческое исследование структурно-семантических и синтаксических функций неличных форм глагола в тюркских языках позволит яснее и глубже осмыслить природу глагола. Сравнительный анализ одного и того же языкового явления в родственных языках дает возможность более наглядно раскрыть сущность и выявить специфику исследуемого явления.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость диссертации определяется кругом поставленных задач и полученными результатами. Это исследование позволяет определить место и роль неличных форм глагола в системе языка. Теоретическое значение работы определяется важностью для современной тюркологии системных описаний грамматических явлений, в том числе и неличных форм глагола. Сравнительно-исторический анализ неличных форм глагола в тюркских

языках, а также в их диалектах и говорах способствует уточнению представлений о структуре частей речи в этих языках и её поэтапном развитии.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования материалов и выводов исследования в общих и специальных вузовских курсах по морфологии и синтаксису тюркских языков. Материалы диссертации также могут применяться при разработке специальных курсов и семинаров по актуальным проблемам современной тюркологии, а также по теоретической и практической грамматике. Материалы и теоретические положения этой работы могут быть использованы также при составлении сравнительной и сопоставительной грамматик тюркских языков. Вместе с тем, изучение неличных форм глагола также в диалектах и говорах тюркских языков является основным принципом для составления учебных пособий по сравнительной тюркской диалектологии.

Апробация и внедрение. Результаты проведенного исследования обсуждались в течение 2010-2017 гг. в виде научных докладов и сообщений на заседаниях отдела Тюркских языков Института Языкознания им. Насими НАНА, а также в республиканских и международных научных конференциях в Екатеринбурге (Россия) (2010), Астане (Казахстан) (2010), Москве (2010, 2011), Новосибирске (Россия) (2013, 2017), Кранендонк (Нидерланды) (2011), Мюнхене (Германия) (2014), Лондоне (Великобритания) (2015), Баку (2016), Сумгайыте (2016), Бухаресте (Румыния) (2017), Польша (2018), Канаде (2020) и др.

Концепция и основные положения диссертации нашли отражение в 61 статье (из них 36 статьи опубликованы за рубежом) в научных изданиях, рекомендованных ВАК АР и РФ.

Были подготовлены и изданы монографии «*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении)*» (Баку: Язычы, 2016), «*Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках*» (Баку: Шуша, 2017), «*Инфинитивы и имена действия в тюркских языках*» (Баку: Типография «Red N Line» ООО, 2018), содержащие системное изложение результатов исследования данной проблемы.

Кроме того, отдельные идеи и положения исследования получили освещение в коллективной монографии *«Избранные вопросы современной науки»* (Москва: Перо, 2011).

Внедрение и апробация основных положений исследования осуществлялись также в процессе преподавания курса *«Современные тюркские языки»* в магистратуре Института Языкознания им. Насими НАНА.

Название организации, в которой выполнена диссертация. Диссертация выполнена в отделе Тюркских языков Института Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Общий объем диссертации в символах с указанием объемов каждого из структурных элементов диссертации по отдельности. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, которая включает 662 наименований научных трудов и списка принятых сокращений. Введение состоит из 10 страниц, первая глава диссертации состоит из 34 страниц, вторая глава – из 89 страниц, третья глава – из 84 страниц, четвертая глава – из 54 страниц, пятая глава – из 16 страниц, заключение – из 7 страниц, список использованной литературы – из 62 страниц. Общий объем диссертации 362 страниц – 464201 знаков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы исследования, формулируется цель и задачи работы, указываются объект, предмет и методы исследования, отмечается научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, называются источники языкового материала, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации, именуемой *«История изучения неличных форм глагола в тюркологии»* анализируются основные направления изучения неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах, содержится краткое изложение состояния вопроса, описываются основные понятия и термины тюркских деепричастных, причастных и инфинитивных форм глагола.

Здесь также затрагиваются вопросы о неизменяемости деепричастий и принципы их классификации в тюркских языках, проблема принятия деепричастными формами глагола аффиксов лица, принадлежности, падежей. В первой главе содержится определение категории причастия, конкретизация его грамматического статуса и места в системе неличных форм глагола в тюркских языках. Здесь исследуется лингвистическая природа и специфические особенности инфинитивных форм глагола, определяются их функционально-семантический потенциал и межкатегориальные связи и отношения в системах словоизменения.

Первая подглава первой главы, именуемая **“Основные направления изучения деепричастий в тюркских языках”**.

Категория деепричастия в тюркских языках и их диалектах давно является объектом исследований ученых и представляет собой важнейшую грамматическую категорию.

В тюркских языках система деепричастных форм глагола характеризуется общими и отличительными признаками.

Подробное изучение деепричастных форм тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте является одной из актуальных задач тюркологии, поскольку посредством сравнительно-исторического исследования раскрывается историческое развитие фонетических, морфологических и синтаксических признаков деепричастий, а также рассматриваются некоторые вопросы их становления и формирования.

Категория деепричастий была объектом исследования многих кандидатских и докторских диссертаций: В.М.Аскаровой (1950), А.М.Хосрови (1950), И.П.Павлова (1953), А.Турсунова (1958), Ю.Д.Джанмавова (1965), Г.Г.Мамедова (1967), М.М.Текуева (1973), А.Аннаурова (1979), В.Г.Алиева (1989), И.А. Невской (1990), И.Сюя (1995), М.Б.Аскерова (2004), Е.Г.Эргин (2007), Э.Мамедовой (2015), Ш.А.Мусаевой (2015) и др.

Помимо этого, деепричастные формы тюркских языков были освещены в ряде научных статей И.П.Павлова (1953, 1955, 1957), К.Мунди (1955), Г.Ф. Бабушкина (1959, 1964), И.А. Андреева (1964), А.М. Щербака (1960), К.А.Хаджиолова (1970), А.А. Юлдашева (1976, 1977), М.И.Черемисиной (1977, 1999, 2000, 2001), Е.И. Коркиной (1983, 1985), Н.Э. Гаджихамедова (1984), И.А.Невской (1986), Л.Йохансона (1988), В.Алиева (1989), Г.Р.Абдуллиной (2009), А.В.Гатыповой (2009), Л.М.Хасановой (2010), В.И.Рассадына (2012), Л.М.Ульмезовой (2011), В.Г. Кондратьева

(1990), М.Угурлу (1996, 2000), М.Онера (1999, 2007), Б.Юджеля (2000), А.Акташа (2001), Г.Гюльсевина (2002, 2010), Е.Арыкоглу (2004), А.Карадогана (2004), Н.Байрактара (2004) и др.

Следует особо отметить докторскую диссертацию В.Алиева, которая посвящена исследованию неспрягаемых форм глагола азербайджанского языка (В.Г.Алиев, Баку, 1989) и его же учебное пособие *«Деепричастие в азербайджанском языке»* (1989), в которых определены общетеоретические и специфические особенности деепричастных форм современного азербайджанского языка.

Общеизвестно, что деепричастные формы имеют ряд специфических признаков и всегда образуются специальными аффиксами.

В тюркологической литературе одни исследователи называют деепричастные аффиксы аффиксами словообразования, а другие – аффиксами формообразования.

По мнению Н.А.Баскакова: *«Деепричастия образуются только посредством присоединения особых аффиксов словообразования»*¹.

Ю.Д.Джанмавов и И.П.Павлов относят аффиксы деепричастия к аффиксам формообразования².

Мы также разделяем данную точку зрения и относим аффиксы деепричастия к формообразовательным аффиксам, т.е. к аффиксам, образующим различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением.

Как правило, деепричастие рассматривается как неизменяемая форма глагола, которая выражает побочное действие, поясняющее другое действие. К данному мнению примыкают М.Аскарова, А.М.Щербак, Н.П.Дыренкова, И.П.Павлов, А.Турсунов и др.

Описание тюркских деепричастий как неизменяемой формы нередко подвергалось критике в трудах некоторых лингвистов.

¹ Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: [в 2-х томах] / Н.А.Баскаков. - Москва: Издательство АН СССР, - т.2, ч.1. - 1952. - с. 460.

² Павлов, И.П. Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции: / автореферат диссертации кандидата филологических наук / - Москва, 1953. - с. 2.

Подобная формулировка, на наш взгляд, не полностью раскрывает природу и сущность деепричастий в тюркских языках. Весьма затруднительно отнести данную дефиницию к деепричастиям в тюркских языках.

Деепричастия в тюркских языках не являются совершенно неизменяемой формой глагола. К такому умозаключению нас приводят факты, где зарегистрированы случаи принятия некоторыми деепричастиями аффиксов лица и падежа в отдельных тюркских языках.

Фактом, свидетельствующим об изменяемости деепричастий, могут служить деепричастные формы якутского языка, которые могут принимать аффиксы лица и числа. Из девяти деепричастий современного якутского языка только вторичные деепричастия на - *бытынан* и - *бычча* не принимают аффиксов лица. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других тюркских языках: карач. - балк. *келгенлейинче* - как только ты придешь сюда³; узб. *ёзгуимча* - до тех пор пока я не напишу; туркм. *гелйенчем* - пока я не приду⁴; тув. *келгижемче* - до тех пор, пока я не приду и т.д.

Следует подчеркнуть, что деепричастные формы в некоторых тюркских языках способны принимать падежные аффиксы. Подобное зафиксировано в башкирском, кумыкском, тувинском и др. языках: башк. -*гас*, -*гяс*, -*кас*, -*кяс*- *киткястян* - *уйдя*; тув. *келгеште*, *келгештен* – *приходя*; кумык. *айтгыынчадан берли* - как ты рассказал и т.д.

В современном турецком языке деепричастие на -(y) *alı*², употребляясь с послелогом *beri*, может принимать аффиксы исходного падежа: *Ben mektubunuzu alalı(dan) beri iki hafta oldu* - Прошло две недели с тех пор, как я получил ваше письмо. В старых османских текстах, как отмечает А.Н. Кононов, деепричастие на -(y) *alı*² в исходном падеже употребляется без послелога *beri*⁵.

³ Урусбиев, И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке / И.Х.Урусбиев. - Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, - 1963. - с. 79.

⁴ Дмитриев, Н.К. Строй тюркских языков / Н.К.Дмитриев. - Москва: Издательство восточной литературы, - 1962. - с. 414-417.

⁵ Кононов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н.Кононов. - Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, - 1956. - с. 481.

Данное явление наблюдается и в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX веков. Так, в произведениях выдающегося азербайджанского поэта XIV века Насими, деепричастная форма на - *alı* / - *eli* иногда употребляется с аффиксами исходного падежа – *dan* / - *den*. Приведем примеры: *Saçların düşəlidadən bədri-zülfün tabına; Ey latə tapıci sənə eyb etməzəm nədən; düşəlidadən – падая*⁶.

В ризенском диалекте (иль Ризе) турецкого языка зафиксированы случаи употребления деепричастия на – *arak* / - *erek* с аффиксами как исходного, так и местного падежей. Примеры: “*gelu, diyor, şimdi nerdeyse, diyerekten buni nasi duydisa miktat diyanamadi...; Bindi, bi şey yaptı, bi marifet yaptı, kuşlar bağladı attına ustine et kodi falan diyerekte...⁷; Tek tek basarakтан, bade süzerekten, ince dizerekten, gel yarım, gel aman*”; *diyerekte – говоря, süzerekten – наливая*⁸.

Факты сочетания первичных деепричастий с падежными аффиксами зарегистрированы преимущественно в диалектах и говорах тюркских языков, а также в народно-разговорном языке.

Примеры: *Qızarıfdan yerə keçmərsən, hələ bir üzümə də baxersan?* - Почему ты, краснея, не провалишься сквозь землю, а еще смотришь на меня?⁹.

Вторая подглава первой главы, именуемая “**Основные направления изучения причастий в тюркских языках**”.

Изучение причастий в тюркских языках началось в 50-е годы прошлого столетия. На протяжении этого времени тюркологами были исследованы основные морфологические особенности, синтаксическая структура причастий, проведена классификация, выявлена этимология большинства причастных форм тюркских языков.

Несмотря на это тюркологи до сих пор не разработали единый подход к изучению грамматических особенностей при-

⁶ Мамедов, Г.Г. Деепричастия в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX веков: / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Баку, 1967. - с. 16.

⁷ Günay, T. Rize ili ağızları (inceleme-metinler-sözlük) / T.Günay. - Ankara: TDK yayınları, - 2003. - s. 267.

⁸ Banguoğlu, T. Türkçenin grameri / T.Banguoğlu. - Ankara: TDK yayınları, - 2007. - s. 431.

⁹ Ширалиев, М.Ш. Об этимологии деепричастной формы на - *ыбан*, - *ибэн*, - *убан*, - *үбэн* // - Москва: Вопросы языкознания, - 1960. № 3, - с. 98-99.

частий в тюркских языках. По всей видимости, это обусловлено использованием различных подходов при интерпретации функционально-семантических признаков и специфики причастных форм в тюркских языках. Вместе с тем, научная непроработанность основных идей и концепций синтаксиса в общем языкознании также является причиной противоречивой трактовки кондиционных явлений в родственных языках.

Причастия в тюркских языках, преимущественно, исследуются в следующих направлениях: при изучении модальных и временных форм, наклонения глагола; при исследовании происхождения спорадичных глагольных и причастных форм; при изучении синтаксиса, особенно, при анализе сложного предложения.

Причастие – является сложным образованием, так как в нём, по словам В.В. Виноградова, столкнулись «две стихии» – прилагательного и глагола.

Благодаря своей двойственности, причастие является довольно гибкой формой с точки зрения синтаксического строя языка.

В тюркском языкознании изучению причастий в отдельности посвящено много исследовательских работ и разделы в грамматиках тюркских языков. Так, причастие рассматривалось в трудах А.Н. Кононова, А.А.Ахундова, В.И. Асланова, Т.И. Гаджиева, Г.Ш. Казымова, В.Г. Алиева, И.Б. Казымова, А.М. Джавадова, А.В. Танрыверди, Б.А. Халилова, Р.А. Рустамова, С.А. Абдуллаевой, Б.А. Серебренникова, Л.А. Покровской, Л.Н. Харитоновна, А.М. Щербака, Д.М. Насилова, П.И. Кузнецова, В.Г. Гузева, Д.Г. Тумашевой, И.А. Андреева, Н.А. Баскакова, Р.И. Байсуриной, М.З. Жамьяновой, Л.А. Шаминой, Г.Г. Филиппова, А.Р. Андерхил, Ф.Ю. Юсупова, М.И. Черемисиной, В.Г.Кондратьева, Дж.М. Хангишиева, С.Н.Абдуллаева, У.Б.Алиева, С.Н.Иванова, В.Г. Кулиева, К.М. Мелиева, Г.И. Мирзоева, С.Ж. Мусаева, Ш.Ч. Сата, А.З. Абдуллаева, З.И. Будаговой, А.А. Гулиева, О.Ф. Серткая, Х. Зюльффикара, А. Акара, В. Джошкун, Г. Догана, М.Эрдема, А.В. Габен, М. Гюльтекин, А. Калиева, А.Р. Карабекоглу, Ф. Карабулута, З. Кормаз и др.

Причастные формы были объектами исследования многих кандидатских и докторских диссертаций: В.Г.Алиева, М.А. Матжановой, А.А.Аймурзаевой, Д.М.Мухтарова, Э.Д.Саидовой,

Дж.Ибрагимова, А.С.Абилова, Ж.Болатова, А.Ю.Гиниятуллиной, Г.Ергалиева, А.В.Есиповой, Ш.Каримова, А.М.Мизиева, Г.И.Мирзоева, С.Ж.Мусаева, Д.С.Насырова, Ш.Ч.Сага, Ф.М.Хисамовой, А.Устунера и др.

Тюркологами высказывались различные мнения о происхождении причастных форм в тюркских языках. Так, некоторые исследователи причисляют причастия к разряду отглагольных имен, полагая, что они утратили значение глагола и превратились в имена существительные и прилагательные. Другими же тюркологами причастия причисляются к глаголу, предполагая, что они являются одними из производных форм глагола.

Для того, чтобы система причастия и его категориальный статус утвердился в тюркских языках, необходимо обосновать собственную концепцию относительно их грамматической классификации. Глубокий и противоречивый процесс формирования системы тюркских причастий предопределил не только непоследовательность их системных свойств, но и разноаспектный подход к ним.

Тюркологическая литература располагает различными гипотезами относительно категориального статуса причастия. Некоторые исследователи рассматривают причастие в качестве (самостоятельной) неличной формы глагола, объединяющая в себе признаки глагола и прилагательного.

Как в тюркологии, так и в азербайджанском языкознании категориальный статус причастий был одним из спорных вопросов. Одни исследователи рассматривали причастие в качестве отдельной части речи, другие – в качестве групп слов, входящих в разряд глаголов и прилагательных. До 1960 года причастные формы отождествлялись с отглагольными прилагательными.

В азербайджанском языкознании вопрос о категориальном статусе причастий также был дискуссионным. В грамматиках 1938-1960 гг. причастие включалось в раздел прилагательного, в последующие же годы - в раздел глагола.

Причастие в качестве самостоятельной части речи рассматривалось еще во времена составления античных грамматик, и в частности термин «причастие» был введен родоначальниками школы стоиков.

Один из основателей сравнительно-исторического языкознания А.Х.Востоков причислял причастия к именам прилагательным¹⁰. Так, впервые в русском языкознании причастие рассматривалось как самостоятельная часть речи. Подобно А.Х.Востокову, М.В.Ломоносов также относил причастие к числу самостоятельных частей речи.

Однако в лингвистике бытовало мнение о двойственной природе причастий. Так, В.А.Богородицкий одним из первых отметил переходное положение причастия¹¹.

Лишь в научных трудах II-ой половины XIX-го века и в начале XX-го века получила распространение точка зрения, согласно которой причастие обладает свойствами глагола и прилагательного. Грамматический статус переходных частей речи стал предметом дискуссий в XIX веке.

Проблема определения статуса гибридных частей речи рассматривалась также В.В.Виноградовым. По-мнению В.В.Виноградова, причастия – это «поток форм», который идет непосредственно от глагола и внедряется в систему прилагательных.

Причастия, как отмечает И.И. Мещанинов, – *«весьма древняя языковая форма, которая развивалась параллельно глагольной, а может быть, даже и предшествовала ей»*¹².

В связи с этим, причастие весьма сложно рассматривать отглагольным образованием, однако несомненным является тот факт, что современное причастие претерпело видимые изменения, вследствие которых некоторые причастные формы можно причислить к производным глагольным образованиям.

По-мнению И.И.Мещанинова, причастие происходит из именной основы. Сходство причастия и некоторых глагольных свойств И.И.Мещанинов изъясняет тем, что причастие формировалось из именной предикативной формы, в то время как и

¹⁰ Востоков, А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // - СПб: Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете, - 1820. Т.XVII, Ч.XIX, - с. 5-61.

¹¹ Богородицкий, В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В.А.Богородицкий. - Казань: Татгосиздат, - 1953. - с. 120.

¹² Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И.Мещанинов. - Л.: Наука, - 1978. - с. 237.

глагол имеет несколько общих с ним признаков предикативности.

Языковеды, рассматривающие причастие в тюркских языках самостоятельной частью речи, обосновывают свою точку зрения тем, что причастие имеет морфологические особенности, лексическую семантику и выступает в качестве определения.

На наш взгляд, эти особенности невозможно считать достаточными для признания причастия самостоятельной частью речи.

Как видим, причастия в процессе многолетних грамматических исследований, рассматривались как: 1) часть системы имени прилагательного; 2) часть системы глагола; 3) самостоятельная часть речи.

Таким образом, неоспоримым является тот факт, что причастие обладает признаками как имени прилагательного, так и глагола.

Мы склоняемся к точке зрения, что причастие в тюркских языках не является самостоятельной частью речи.

Доказательством данной гипотезы, являются следующие особенности причастия: 1) слова, входящие в состав той или иной самостоятельной части речи, имеют собственную частеречную семантику, и выступает в соответствующей функции; причастие же передает значение функции той части речи, в качестве которой оно используется в контексте; 2) самостоятельные части речи образуются с помощью лексико-грамматических аффиксов, а причастия - функционально - грамматических аффиксов; 3) самостоятельные части речи обладают собственными категориями и грамматическими значениями, в то время как причастия передают категориально-грамматические значения глагола и прилагательного.

Помимо этого, общеизвестно, что каждая часть речи имеет определенный набор как семантических, так и грамматических признаков. Части речи, не имеющие четко выработанного состава признаков, никогда не будут определяться как самостоятельные.

Третья подглава первой главы, именуемая **“Основные направления изучения инфинитивов в тюркских языках”**.

Изучение категории инфинитива как одной из неличных форм глагола, а также отдельных инфинитивных форм в тюркских

языках представляет собой одну из актуальных проблем тюркского языкознания.

Тюркологическая литература располагает рядом терминов для обозначения грамматической категории инфинитива: *неопределенная форма глагола, неопределенное наклонение, неокончателное наклонение, глагольная форма цели, целевой глагол или супин, инфинитив, масдар, неопределенно-именная форма глагола, глагольное имя, имя действия, отглагольные существительные* и т.д.

Так, В.А. Гордлевский, П.М. Мелиоранский, А. Казымбек, Н.Ф. Катанов называют инфинитив «неопределенным наклонением», А. Гуламов, А.Н. Боровков, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов – «инфинитивом», К.К. Юдахин, И.А. Батманов, Н.Л. Дыренкова, В.В. Решетов, К.К. Сартабаев – «отглагольными именами», В.М. Насилов, У. Алиев, Б.К. Кутлымуратов, Н.А. Баскаков, М.Б. Балакаев, Б. Тойчубекова – «имена действия», А.М. Щербак - «субстантивные отглагольные имена» и т.д.

Рассматриваемая неличная форма глагола в азербайджанском языкознании выступала под термином *масдар*. Этот термин начал использоваться в грамматиках азербайджанского языка с 30-х гг. 20-го века.

Небезынтересно отметить, что термин *масдар*, заимствованный из арабского языка, зарегистрирован также в грузинском языке. Данный термин был зафиксирован еще в трудах Махмуда Кашгарского и некоторых восточных языковедов.

В тюркологии некоторыми учеными-языковедами нередко отождествлялись понятия инфинитив и отглагольное имя (М. Гусейнзаде, А. Ахундов). Также, по мнению Л. Ханбутаевой понятия отглагольное имя и инфинитив идентичны.

В этой связи примечательно следующее высказывание Л. Ханбутаевой: «Для того, чтобы доказать этот факт, достаточно исследовать этимологию инфинитива в диахроническом плане»¹³.

В русском языкознании наиболее употребительным термином данной неличной формы глагола применительно к тюркским языкам был термин *инфинитив*.

¹³ Xanbutayeva, L.M. Müasir Azərbaycan və ingilis dillərində infinitiv (ümumi tipoloji tədqiqat) / L.M.Xanbutayeva. - Bakı: Kitab aləmi, - 2003. - s. 24.

Наиболее показательным на этот счет высказывание К.Г. Ишбаева: *«Термин «инфинитив» /лат. Infinitivus - неопределенный/ тоже полностью не соответствует природе данной категории в тюркских языках. Но он удачен тем, что, будучи интернациональным термином, не требует калькирования и является общепонятным»*¹⁴.

Мы также полагаем, что самым целесообразным и удачным термином применительно к категории инфинитива в тюркских языках является термин «инфинитив».

Следует отметить, что в тюркологии в 60-80 гг. наиболее употребительным термином был термин *имя действия* (М. Исхаков 1960, Б.К. Кутлымуратов 1968, Б. Тойчубекова 1968, К. Мелиев 1976, К. Неталиева и т.д.). Эти исследователи считают термин «имена действия» самым удачным термином применительно к этой категории в тюркологической литературе. Данную точку зрения они обосновывают тем, что термины «инфинитив» и «отглагольные имена» по значению, которое они передают, не раскрывают ни семантической, ни морфологической сущности данных форм.

Б.К. Кутлымуратов отмечает, что: *«...Из всех перечисленных выше более подходящим является термин «имена действия» (хәрекет аты), так как термины «отглагольные имена» и «инфинитив» не полностью отвечают содержанию категории имен действия в тюркских языках по той причине, что в изолированных отглагольных именах (существительные и прилагательные) глагольные признаки не сохраняются, а в именах действия глагольные признаки сохраняются»*¹⁵.

До сих пор тюркологи не пришли к единому мнению относительно природы инфинитива как самостоятельной грамматической категории.

В этой связи Н.К. Дмитриев писал: *«...Само понятие инфинитива как грамматической категории достаточно шатко и неопределенно. Инфинитив это – нечто среднее между спряга-*

¹⁴ Ишбаев, К.Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Уфа, 1975. - с. 2.

¹⁵ Кутлымуратов, Б.К. Имена действия в современном каракалпакском языке: / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Нукус, 1968. - с. 4.

емыми глагольными формами и отглагольными именами. Специфика инфинитива в различных языках весьма различна»¹⁶.

Монография М.А. Казымбека «Общая грамматика турецко-татарского языка», будучи одной из первых работ по изучению инфинитива в тюркских языках положила начало изучения данной неличной формы глагола во всей его многоаспектности. В своем труде М.А. Казымбек обозначал инфинитив термином *имя действия*.

Большое значение для изучения инфинитива в тюркских языках имеют исследования А.А.Ахундова, В.Г.Алиева, Г.Мирзазаде, М.Гусейнзаде, С.Джафарова, М.Ширалиева, Ф.Зейналова, М.Аскерова, Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, В.М. Насилова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, Л.А.Покровской, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой, А.Г. Гуламова, В.Д. Аракина, Б.К. Кутлымуратова, Г.Ш. Борукуловой, Н.Э.Гаджихмедова, Д.М. Мурзаевой, В.Г. Гузева, А.М. Мизиева, М.З. Жамьяновой, Э.Мелгазиевой, Р.Г. Закиевой, Г.Д. Ибрагимова, Э.Д. Саидовой, Л.А.Шаминой, Л.М.Ульмезовой, Н.Р.Харисовой, Д.Е.Акбаба, Е.Алкая, К.Эраслан, Ф.Гёкче, Дж.Тургунбаер, Й.Йылмаз и др.

В научном труде В. Алиева «Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке. Масдар, Баку, 1986» была тщательно подробно исследована история изучения масдаров, а также их парадигматические и синтагматические особенности.

Известный интерес представляют наблюдения В.Д. Аракина относительно исторического развития инфинитива в тюркских языках: «По всей вероятности, инфинитив стал складываться лишь после распада общетюркского языка-основы на отдельные языки»¹⁷.

На наш взгляд, трудно не согласиться с приведенной выше гипотезой В.Д. Аракина, которая подтверждается довольно вескими фактами.

Так, свою гипотезу В.Д. Аракин аргументирует фактом отсутствия в тюркских языках единой формы инфинитива, которая восходила бы к одной общетюркской форме инфинитива, а так-

¹⁶ Дмитриев, Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К.Дмитриев. - Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, - 1948. - с. 178.

¹⁷ Аракин, В.Д. Инфинитив // - Москва: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, Морфология, - 1988. Выпуск 2, - с. 483.

же фактом неравномерного развития инфинитивных форм в тюркских языках.

Историческое развитие инфинитива в азербайджанском языкознании было освещено в трудах Г. Багирова, Х. Мирзазаде, Р. Мадатовой, И. Велиева и др.

В тюркских языках инфинитив является одной из неличных форм глагола, характеризующейся морфологическими особенностями, синтаксическими функциями, определенной семантикой. Инфинитивные формы не только различаются от личных форм глагола, но и от других неличных форм глагола (причастие, деепричастие).

Во второй главе, именуемой «*Морфолого-синтаксическая характеристика деепричастий в тюркских языках*» проводится анализ лексико-семантической сущности, морфолого-синтаксических свойств первичных и вторичных деепричастных форм глагола в тюркских языках и их диалектах. Тщательный анализ каждой деепричастной формы дал возможность выявить как их сходные, так и дифференциальные морфолого-семантические признаки.

В данной главе прослеживается ход исторического развития каждой деепричастной формы глагола тюркских языков. Здесь на конкретных примерах определяется степень распространенности той или иной формы, а также проводится подробный анализ характера управления деепричастий различными падежами. Во второй главе достаточно подробно изучаются гипотезы относительно этимологии деепричастных аффиксов тюркских языков.

Вторая глава состоит из *2-х подглав* и *9 параграфов*. Первая подглава второй главы содержит *2 параграфа*, вторая подглава – *7 параграфов*.

Во второй главе исследуется лексико-семантическая сущность, фонетические, морфолого-синтаксические особенности первичных деепричастных форм глагола на $-ын^4$, $-a^2$ и вторичных деепричастных форм глагола на $-дыкча^4$, $-ынджа^4$, $-алы^2/-галы^2$, $-мадан^2$, $-икен^2$, $-арак^2$, $-гач^2$ в тюркских языках и их диалектах. В процессе системного сравнительно-исторического анализа данных первичных и вторичных деепричастных форм глагола выявляются сходные и отличительные морфолого-семантические особенности, характеризуется историческое развитие каждой деепричастной формы глагола тюркских языков. Во вто-

рой главе довольно подробно рассматриваются воззрения относительно этимологии деепричастных аффиксов тюркских языков, а также проводится их последовательное сравнение.

Первая подглава второй главы, именуемая **“Первичные формы деепричастий в тюркских языках”**.

В первой подглаве второй главы исследуются деепричастные формы на *-ын* и на *-а/-е*.

Деепричастная форма на *-ын* является самой употребительной формой из всех деепричастий тюркских языков. По-видимому, причиной широкого употребления в языке является то, что эта форма, в большинстве случаев, в стилистических целях заменяет часть однородных сказуемых и выражает самые различные значения.

Этимология деепричастия на *-ын*⁴ до сих пор не установлена. По поводу происхождения этой деепричастной формы существуют противоречивые высказывания.

Наиболее достоверным является воззрение А.Н.Кононова относительно происхождения исследуемой деепричастной формы.

Так, по его мнению, морфема *-б*, *-п* в вышеназванных тюркском и монгольском деепричастиях подобно соответствующим деепричастным формам тунгусо-маньчжурских языков, вероятно, восходит к общеалтайскому глаголу *-б* = тюрко-монгольскому глаголу *бол-* быть, делаться, становиться¹⁸.

В языке орхоно-енисейских памятников деепричастия на *-ын*⁴ входили в более широкое употребление, чем в тюркских языках. Эта форма в языке орхоно-енисейских памятников употребляется с глухим согласным «п», а в некоторых тюркских языках - со звонким согласным «б». Заметим, что первичной формой деепричастия на *-ын* является форма с глухим согласным «п».

Основным значением деепричастной формы на *-ын*⁴ является значение образа действия.

В современном гагаузском языке, в отличие от других тюркских языков, слова, относящиеся к деепричастию, могут следовать не только перед ним, но и после него. Не исключено

¹⁸ Кононов, А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-п*, *-б*, *-й(б)*, *-пан*, *-бан*, *-баны*, *-банын* (материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков) // - Москва: Вопросы языкознания, - 1965. №5, - с. 110.

что, эта особенность деепричастия является следствием влияния на гагаузский язык синтаксиса славянских языков.

В письменных памятниках тюркских языков огузской группы, кроме деепричастного аффикса на *-ып⁴*, зафиксирован и аффикс на *-йып / -йип* и *-ыбан / -ибэн, -убан / -үбэн*. Этот деепричастный аффикс зарегистрирован и в диалектах современного азербайджанского языка - в Кубинском, Закатальском, Казахском и частично Шемахинском диалектах. В языке азербайджанского эпоса «*Книга моего Деда Коркуда*» аффикс *-ыбан⁴* принимает еще и элемент *-и/-ы*: *-убаны / -убани*. Эта форма встречается в языке «*Книга моего Деда Коркуда*», в Губинском и Закатальском диалектах азербайджанского языка, а также в староанатолийском языке.

В большинстве тюркских языков деепричастие на *-ып⁴* функционирует не только как деепричастие, но и как формы изъявительного наклонения личного глагола.

Интересен факт, что в современном кумыкском языке форма на *-ып⁴* употребляется только как деепричастие.

В татарском, ногайском, и каракалпакском языках для обозначения неполноты действия к деепричастию на *-ып⁴* присоединяется аффикс *-ракъ/-рек*, который в кумыкском (кыпчакская группа) и азербайджанском (огузская группа) языках сочетается с прилагательными для ослабления признака, качества.

Деепричастие на *-а, -е, -й* в тюркских языках огузской группы используется, как правило, только в удвоенной форме. Эти деепричастия передают многократность и длительность действия.

В тюркских языках огузской группы при повторении деепричастий на *-а, -е, -й*, образованных от разных основ, повторяются такие деепричастные формы с синонимическими или антонимическими глагольными основами: гаг. *бакына-бакына* – *оглядываясь по сторонам*, *дүйш-калка* - *падающая-вставая*, туркм.- *сага-сага* - *доля*, *гөре-биле* - *видя-зная*, *отуратура* - *сидя-стоя*, тур. *korka korka* - *боясь*, *bağıra çağıra* - *подняв вопли и крики*, азерб. *danişa-danişa* - *говоря*. Заметим, что в азербайджанском языке данное деепричастие, образованное от разных глагольных основ, выступают в предложении главным образом в качестве наречия. Неудвоенная форма деепричастия на *-а²* в турецком языке

встречается в застывших образованиях: *Film on bire beş kala biter* - Фильм кончается без пяти минут одиннадцать.

В современном гагаузском языке неударенная форма данного деепричастия наблюдается лишь в качестве компонента формы невозможности - *ала-билмӓй* – не мочь взять.

В современном туркменском языке деепричастие на $-a^2$ в одинарном виде употребляется с глаголами *билмек* - знать, *бермек* - давать, *гөрмек* – видеть, *алавери* – возьмите-ка и т.д.

Деепричастие на $-a^2$ в языке орхоно-енисейских памятников употребляется лишь в одинарном виде и не имеет отрицательной формы.

Вторая подглава первой главы, именуемая **“Вторичные формы деепричастий в тюркских языках”**.

Во второй подглаве второй главы исследуются вторичные деепричастные формы глагола на $-дыкча^4(-dığca^4)$, $-ынджа^4(-ınca^4)$, $-алы^2/-галы^2(-alı/-qalı)$, $-мадан^2(-madan^2)$, $-икен^2(-iken^2)$, $-арак^2(-araq^2)$, $-гач^2(-qaç^2)$.

Деепричастный аффикс $-madan/ -meden$ в тюркских языках имеет сходный фонетический облик и главным образом обозначает обстоятельство образа действия. В диалектах и говорах данных тюркских языков деепричастие на $-madan/-meden$ может иметь иные фонетические варианты, а именно варианты $-madın/-medin$, $-mazdın/-mezden$, $-mădın/-madın$.

Относительно этимологии деепричастного аффикса на $-madan/ -meden$ в тюркологической литературе существуют различные и противоречивые воззрения. Гипотезы касательно происхождения этого аффикса были рассмотрены в трудах многих тюркологов, в числе которых можно указать В. Томсена, Г. Рамстедта, В.В. Радлова, В. Банга, К. Брокельмана, П.М. Мелиоранского, А.М. Щербака, А.Н. Самойловича, Ж. Дени, М. Эргина, З. Коркмаз, М. Онера, С.Е. Малова, В.Г. Кондратьева и др.

Исследовав существующие теории относительно этимологии деепричастного аффикса на $-madan/-meden$ в тюркских языках, мы приходим к заключению, что вышеизложенные воззрения необоснованны.

Наиболее доказательной, на наш взгляд, является гипотеза М. Онера, в соответствии с которой этот отрицательный деепричастный аффикс образовался посредством синтаксиса сложного предложения и непосредственно связан с проблемой форми-

рования предложений с глаголами прошедшего-категорического времени в 3-ем лице ед. числа в качестве имени существительного.

Деепричастие на *-dikça⁴* характерно главным образом для огузской группы тюркских языков. При этом деепричастие на *-dikça⁴* встречается также в тюркских языках кыпчакской группы (крымско-татарский, старотатарский и др.).

Форма на *-dikça⁴* в тюркских языках и в их диалектах в основном передает значения многократности действия (*всякий раз как*), постепенности выполнения действия и временную связь между двумя действиями (*пока*).

В некоторых тюркских языках деепричастие на *-dikça⁴* имеет фонетический вариант на *-dikçan⁴* (в гагаузском языке - *ойнадыкчан* - *танцую*).

Для письменных памятников XIV–XIX веков азербайджанского языка характерно сочетание деепричастной формы на *-dikça⁴* с аффиксами принадлежности: *baxdığında* – *когда я посмотрел*; *gördüyündə* – *когда он увидел* и т.д.

Заметим, что в героическом эпосе «*Книга моего деда Коркуда*» форма на *-dikça⁴* в отдельных случаях, употребляясь со словом *ləyin*, передает значение мгновенного выполнения действия. Приведем пример: *Ani gördügündələyin yel kimi yetdi*¹⁹ (*gördügündələyin* - *увидев*) и т.д.

В диалектах тюркских языков зарегистрированы такие фонетические варианты деепричастной формы на *-dikça⁴*, которые не встречаются в литературных тюркских языках (*-dignə* дербентский диалект азербайджанского языка, *-diyhce/-dihcaz/-diyhcez < dih+ca(z)* эрзурумский диалект турецкого языка и т.д.).

В отличие от других тюркских языков, деепричастие на *-iken/ -ken* в гагаузском языке, в некоторых диалектах и говорах тюркских языков, а также в письменных памятниках, подчиняется закону гармонии гласных; в современном гагаузском языке, подобно диалектам турецкого языка, помимо фонетического варианта на *-kan/-kän*, функционирует также вариант на *-кана*.

Фонетический вариант на *-кана/-кене* довольно часто встречается в диалектах области Восточной Фракии Турецкой

¹⁹ Dəmirçizadə, Ə.M. Kitabi-Dədə Qorqud dastanlarının dili (təkrar nəşr) / Ə.M.Dəmirçizadə. - Bakı: Elm, - 1999. - s. 127.

республики, а также в анатолийском, айдынском, денизлином, испартинском, ушакском, эрзинджанском, токатском, ордунском, невшехирском, йозгатском и сиваском диалектах турецкого языка.

В языке *Кутадгу-билиг* и дастана «*Китаби-Деде Коркуд*» деепричастный аффикс на *-iken/-ken* (здесь *-erken*) используется лишь с глаголами настоящего-будущего времени (*-ar/-er*); деепричастие на *-iken/ -ken* в туркменском языке способно принимать аффиксы лица, чего не наблюдается в других тюркских языках, в которых зарегистрировано рассматриваемое деепричастие.

В узбекском, каракалпакском, карачаево-балкарском, тувинском, алтайском, шорском, туркменском языках деепричастие на *-ынджа⁴*, *-ганча²*, *-гынча⁴* принимает аффиксы лица (исторически аффиксы принадлежности).

Фонетический вариант на *-гьынча⁴*, *-гьанча²* распространен преимущественно в тюркских языках кыпчакской группы. Деепричастная форма на *-ынджа⁴* встречается главным образом в тюркских языках огузской группы. Показательно, что форма на *-ынджа⁴* зарегистрирована и в некоторых тюркских языках кыпчакской группы, например: *крым.-татар.* - (юж. диал. *-ынже*, *-инже*, *-унже*, *-юнже*).

Деепричастие на *-gali/-geli*, *-алы²/-галы²* главным образом выражает значение времени и цели. В некоторых тюркских языках деепричастие на *-gali/-geli*, *-алы²/-галы²* может выражать два же значения: времени и цели. К таковым относятся: *пам. др.-тюрк. письменности*, *каракалпакский*, *киргизский*, *крымско-татарский*. В узбекском, уйгурском, казахском языках данная форма употребляется в основном в целевом значении, а значение времени является второстепенным.

Большинство тюркологов выдвигают гипотезу о первичности фонетического варианта *-галы/-ганлы²* (В.Котвич, А.Н.Кононов, Ю.Д.Джанмавов).

Мы также склоняемся к воззрению о первичности формы на *-гьанлы/ -генли*, которая функционирует в отдельных тюркских языках.

В языке орхоно-енисейских памятников деепричастная форма на *-галы/-алы* передает в основном целевое значение: *Kisi oylu*

kor ölgäli törümis – Сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть²⁰ и т.д.

Несомненный интерес представляет следующая особенность аффикса на *-галы/-алы*. В некоторых диалектах и говорах тюркских языков и в языке орхоно-енисейских памятников аффикс на *-галы/-алы* употребляется при образовании инфинитивных форм.

Как отмечено выше, в языке орхоно-енисейских памятников при помощи деепричастного аффикса на *-галы/-алы* образуется также и инфинитив.

Форма на *-алы/-галы* зарегистрирована и в языке тюркских памятников уйгурского письма IX–XV веков. В указанных памятниках данная деепричастная форма большей частью употребляется в качестве инфинитивной формы и выступает в следующих фонетических вариантах: *-галы, -гэли, -галы, -гэли*: *Биз кэдүк буларны һэлак қылгалы сэни қутқаргалы* - Мы пришли, (чтобы) тех погубить, а тебя, чтобы избавить²¹.

Деепричастная форма на *-алы/-галы* в отдельных тюркских языках может сочетаться с аффиксами исходного падежа и с послелогом *берли*; например: тур. *Ben mektubunuzu alalı (dan) beri iki hafta oldu* - Прошло две недели с тех пор, как я получил ваше письмо²²; к.-калп. - *Менинь кызым туьгъалы бери кюнге шыккъъан джожь* - Моя дочь, с тех пор как родилась, не выходила на солнце²³.

Сочетание формы *-алы²/-галы²* с аффиксом исходного падежа *-dan/-dän* в произведениях Насими встречается не так часто. Например: *Saçların düşəlidən bədri zülfün tabına, ey latə tapici sənə eyb etmətəm nədən - düşəlidən - унав* (Насими, XIV век).

²⁰ Ахметов, М.А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку // - Баку: Советская тюркология, - 1974. №3, - с. 49.

²¹ Насилов, В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. / В.М.Насилов. - Москва: Наука, - 1974. - с. 51.

²² Кононов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н.Кононов. - Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, - 1956. - с. 481.

²³ Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: [в 2-х томах] / Н.А.Баскаков. - Москва: Издательство АН СССР, - т.2, ч.1. - 1952. - с. 471.

Деепричастие на *-алы²/–галы²* в современном туркменском языке может принимать личные аффиксы. Например: *гелелим - с тех пор, как я приехал, гиделиниз - с тех пор, как вы уехали* и т.д.

Деепричастная форма на *-гач/-геч* встречается преимущественно в тюркских языках кыпчакской, карлукской и уйгуро-огузской групп. В огузской группе тюркских языков и в языке орхоно-енисейских памятников деепричастие на *–гач/-геч* не зарегистрировано.

Многие лингвисты полагают, что деепричастная форма на *–гач/-геч* имеет позднее появление.

В этой связи примечательно высказывание Л.М.Хасановой: «*В языке орхоно-енисейских памятников она не встречается. Что может свидетельствовать об относительно позднем ее возникновении*»²⁴.

Относительно деепричастной формы на *–гач/-геч* в якутском языке следует отметить, что этой форме соответствует деепричастие на *–аат*. Некоторые лингвисты склоняются к гипотезе о монгольском происхождении якутского деепричастия на *-аат*, другие же рассматривают его в связи с тюркским деепричастным аффиксом *-гач/-геч*.

Воззрение о монгольском происхождении деепричастного аффикса *-аат* поддерживалось В.Л.Котвичем, Н.Н.Поппе и др.

В отличие от Н.Н.Поппе, В.Радлов не разделяет данного мнения. По В.Радлову формант *–аат* якутского языка не связан с аффиксом *–гач*, поскольку, общетюркский *–ç* в якутском соответствует *–s*, а не *–t*²⁵.

Данные деепричастия в монгольских языках обозначают действие, предшествовавшее действию основного глагола. Следовательно, с деепричастием на *–аат* современного якутского языка, полного совпадения нет, но прослеживается определенная семантическая близость.

Известно, что якутский язык длительное время контактировал с монгольскими языками, вследствие чего превалирующее множество фонетических, грамматических и лексических свойств указанных языков перешли в него. Если учитывать данный факт,

²⁴ Хасанова, Л.М. Система деепричастных форм глагола в башкирском языке: / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Уфа, 2010. - с. 8.

²⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Под ред. Э.Р.Тенишева. - Москва: Наука, - 1988. - 562 с.

то можно предположить монгольское происхождение деепричастного аффикса на *-аат* в якутском языке.

Однако относительно этимологии деепричастия на *-гач/-геч* Е.И.Убрятова дает иную интерпретацию. По мнению Е.И.Убрятовой, данное деепричастие находит параллель с тюркской деепричастной формой на *-гач/-геч*. По этому поводу Е.И.Убрятова отмечает: «Фонетически такое сопоставление вполне оправдано. В якутском языке имеются и другие аффиксы: с начальным *б*, которое выпало и дало долгий гласный (ср., например, аффиксы *-бах, ээх*), конечное – с аффиксов, образовавшееся из *-ш, -з, -ч*, во многих случаях перешло в *-т* (*-быт* из *-мыш, -бат* из *-маз, -быт* из *-быз* и т.д.)»²⁶. По воззрению Е.И.Убрятовой, тождество якутского деепричастия на *-аат* с тюркским деепричастием на *-гач*, обосновывается их способностью присоединять к себе аффиксы падежей²⁷.

На наш взгляд, научно обоснованная точка зрения Е.И.Убрятовой является весьма убедительной.

Деепричастие на *-гач/-геч* характеризует действие во временном, причинно-следственном отношении, а также действие, предшествующее действию основного глагола, а также принимают аффиксы исходного и местного падежей.

Приблизительно во всех рассматриваемых тюркских языках деепричастная форма на *-гач/-геч* выступает в различных фонетических вариантах (*-каш/-гаш, кас/-кас, -гас/-гэс, -гац/-гэц/-кац/-кэц, -гъадох/-гядох/-кадох/-кядох* и др.).

Отдельные деепричастные формы тюркских языков употребляются не только в качестве деепричастия, но и в качестве личной формы глагола (*-ым⁴*).

В третьей главе, именуемой «**Морфолого-синтаксическая характеристика причастий в тюркских языках**» приводится характеристика структурно-семантических, морфолого-синтаксических и фонетических особенностей причастий в тюркских языках и их диалектах, определяется состав, а также содержится определение категории причастия, конкретизация его грамматического статуса и места в системе неличных форм

²⁶ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч.П. Новосибирск: Наука, 1976, с.44

²⁷ Убрятова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка / Е.И.Убрятова. - Новосибирск: Наука, - 1976. - с. 43-44.

глагола в тюркских языках. В данной главе определяется общее и специфическое в средствах репрезентации и функционирования причастий в тюркских языках, описываются основные понятия и термины причастий, и принципы их классификации в тюркских языках, а также интерпретируется их этимология.

Третья глава диссертации состоит *3 подглав* и *6 параграфов*.

В третьей главе исследуются причастия настоящего на *-ан/-ган (-an/-gan)*, прошедшего на *-мыш⁴(-miş⁴)*, *-дык⁴(-dik⁴)*, будущего и настоящего-будущего времени на *-аджак²(-acaq²)*, *-асы²(-ası²)*, *-ар²(-ar²)*.

Причастия в тюркских языках характеризуются богатым разнообразием функционально-семантических признаков и специфических категориальных характеристик. Тюркские причастия с диахронической точки зрения имели предикативную функцию. В синхроническом аспекте они представляли собой единство предмета и его действия.

Древние причастные формы функционируют почти во всех тюркских языках *-ан, -ар (-an/-en, -ar/-ır)*.

Отдельные причастия наблюдаются либо в некоторых тюркских языках (причастия на *-гадаг/-гедек* в хакасском и шорском языках, *-адогъон/-ядогъон* в караимском языке и т.д.), либо являются нестандартными формами одного тюркского языка (причастия современного якутского и чувашского языков).

Первая подглава третьей главы, именуемая **“Причастия настоящего времени глагола в тюркских языках”**.

В данной подглаве третьей главы рассматривается причастие настоящего времени на *-ан/-ган (-an/-gan)*.

Примечательно, что некоторые причастные формы в диалектах и говорах тюркских языков передают различный временной оттенок. К примеру, причастие на *-ан* в современном туркменском языке, отличается от значения таковой в остальных тюркских языках огузской группы. Для тюркских языков огузской группы характерен фонетический вариант на *-ан*. В тюркских языках огузской группы, а также в чувашском языке причастная форма на *-ан* передает значение настоящего времени.

В огузских языках причастный аффикс на *-ан* образует причастия и существительные от глагольных основ. В тюркских языках огузской группы, форма на *-ган* перешла в разряд имен существительных и прилагательных. Но, несмотря на это, в письменных памятниках XVI, XVIII, XIX вв. данных языков,

рассматриваемый фонетический вариант *-gan* выступал в качестве причастия: *асулуан-открывшийся*, *қалуан - оставшийся* и т.д.

С древнетюркского периода причастный аффикс на *-gan* в древних и тюркских языках выполнял различные функции и являлся одним из наиболее распространенных причастных аффиксов. К основным функциям аффикса на *-ган/-ан* в тюркских языках относятся: а) образование существительных; б) --- причастий; в) --- времен глагола; г) --- грамматических аффиксов; д) --- сложных глаголов.

Причастный аффикс на *-ган* еще с периода пратюркского языка первоначально выступал в качестве причастия, позднее образовывал существительные от глагольных основ.

В большинстве тюркских языков кыпчакской и уйгурской групп причастная форма на *-ган/-ан* выражает прошедшее время.

В туркменском языке причастная форма на *-ан*, подобно кыпчакским языкам, выражает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Обращает на себя внимание тот факт, что в письменных памятниках туркменского языка XVIII-XIX вв. причастная форма на *-ан* функционирует в форме *-gan*, которая характерна в основном тюркским языкам кыпчакской группы: ср. *ачылмаган пир гунчаны гөзләрмән – Я ишу нераскрывшийся свежий бутон*²⁸. Наличие в письменных памятниках туркменского языка фонетического варианта на *-gan* объясняется некоторыми тюркологами как следствие влияния староузбекского языка. В диалектах и говорах современного туркменского языка также наблюдается употребление причастия на *-ган*.

По нашему мнению, и в данном случае, наличие причастия на *-ган* в диалектах и говорах туркменского языка является результатом влияния территориально близких к туркменскому языку узбекского и каракалпакского.

Небезынтересно отметить, что в каракалпакских диалектах туркменского языка аффикс на *-ган* образует также форму прошедшего времени, ср. *барганлар* – вместо *баранлар*. Форма

²⁸ Гузычыев, Т. Причастия в письменных памятниках туркменского языка XVIII – XIX вв.: / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Ашхабад, 1971. - с. 8.

прошедшего времени на *-ган*, типичная для тюркских языков кыпчакской группы, нередко наблюдается в човдурском, сакарском диалектах туркменского языка. Аналогичное явление встречается также и в непограничных диалектах туркменского языка, таких, как салырский диалект и т.д. Рассмотрим примеры: човд. диал. туркм. яз. – *барлагъан* – он проверил, салыр. диал. туркм. яз. *гитген* – вместо *гиден* – он ушел и т.д.²⁹

Подобно татарскому языку, в казахском языке причастная форма на *-ган/ -ген, -кан/-кен* является довольно употребительной и относится к причастиям прошедшего времени, например: *сөйлеген жігіт* – выступавший *джигит* и т.д.

Причастная форма на *-ган* в тувинском языке может передавать не только значения прошедшего, но и настоящего и будущего времен.

В хакасском языке помимо фонетического варианта на *-ган*, наблюдается также вариант на *-ан/-ен*, который свойственен тюркским языкам огузской группы. Этот фонетический вариант наблюдается после основ на гласный. Ср. *ойнаан* – играющий, *төрөөн* – образованный и т.д.

Известно, фонетический вариант на *-ан* зафиксирован главным образом в тюркских языках огузской группы. Вместе с тем, в некоторых смешанных туркмено-каракалпакских говорах каракалпакского языка можно встретить фонетический вариант данного причастия на *-ан/-ен*. Например: *келен* = *келген* – пришедший; *алан* = *алган* – взявший и т.д.

Нам представляется, что наличие варианта на *-ан/-ен* в говорах каракалпакского языка объясняется влиянием туркменского языка.

Вторая подглава третьей главы, именуемая **“Причастия прошедшего времени глагола в тюркских языках”**.

В данной подглаве исследуются причастия прошедшего времени на *-мыш⁴ (-mıŋ⁴)*, *-дык⁴ (-dik⁴)*.

В древнетюркском языке, в отличие от современных тюркских языков, причастная форма на *-dik⁴* в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.

Несмотря на то, что причастная форма на *-dik⁴* в тюркских языках относится к причастиям прошедшего времени, в зави-

²⁹ Туркмен дилинин диалектлеринин очерки / проф. Н.А.Баскаковун ред. алт. - Ашгабат: Ылым, - 1970. - с. 320-321.

симости от контекста может выражать значение настоящего и будущего времени. Форма на $-dik^4$ будучи присущей преимущественно тюркским языкам огузской группы, встречается также в некоторых тюркских языках других групп (башкирский, тувинский, якутский) и т.д.

Причастие на $-miş^4$ в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык) по сравнению с причастной формой в чувашском языке на $-маш /-мёш$ является наиболее продуктивными. В тюркских языках других групп форма на $-miş^4$, в основном, выступает либо в субстантивированной форме, либо во временной форме глагола.

Третья подглава третьей главы, именуемая **“Причастия будущего и настоящего-будущего времени глагола в тюркских языках”**.

В этой подглаве анализируются причастия на $-аджак^2$ ($-асақ/-әсәк$), $-асы^2$ ($-аси/-әси$), $-ар$ ($-ар$)/ $-ыр$ ($-ыр$).

Относительно причастной формы на $-ar^2$; $-ir^4$, отметим, что в тюркских языках эта форма в основном выражает два значения: настоящего-будущего и будущего времени. В отличие от других тюркских языков в якутском языке данная причастная форма помимо значения настоящего-будущего времени выражает также значение прошедшего времени.

В огузской группе тюркских языков причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ главным образом выступает в качестве определения (азербайджанский, турецкий, гагаузский языки). В языке орхоненисейских памятников причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ может выполнять одновременно 3 функции: атрибутивную, субстантивную и предикативную.

Форма на $-ar^2$ в языке желтых уйгуров относится к причастиям будущего времени. Отметим, что в языке желтых уйгуров рассматриваемый причастный аффикс встречается лишь с широкими гласными $-a/ -e$: *сатар тавар - шелк, который продает, кайнар су – вода, которая закипит*³⁰.

В хакасском языке, в отличие от других тюркских языков, рассматриваемая причастная форма, принимая некоторые падежные аффиксы, может выражать действие прошедшего времени: *Пулут аралі кўн көрерде, Пус алтынан суг ізерде... Когда*

³⁰ Тенишев, Э.Р. Язык желтых уйгуров / Э.Р.Тенишев, Б.Х.Тогаева, - Москва: Наука, - 1966. - с. 33.

*солнце смотрело сквозь тучи, когда пили воду из-подо льда...*³¹. Важно отметить, что причастная форма на *-ar*² лишь в якутском языке способна выражать значение прошедшего времени.

Анализ причастного аффикса на *-асы²(-asi/-əsi)* дает основание полагать, что первый элемент данного аффикса подвергся изменениям, в результате которых произошел переход (*-ga/-ge > -a/-e*) и ослабевание древнего значения будущего времени. Утратив значение будущего времени, рассматриваемый причастный аффикс начал передавать значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Для устранения ослабления значения будущего времени причастной формы на *-асы²(-asi/-əsi)*, к нему был присоединен синонимичный древнетюркский аффикс на *-sig/ - sig > -si/-si*, образующий причастия необходимого-будущего времени.

В древнетюркских письменных памятниках рассматриваемая причастная форма выполняет функцию аналогичную функции причастия будущего времени на *-аджак² (-acaq/-эсэк)*.

Причастие на *-асы²(-asi/-əsi)* в современном турецком языке утратило свои синтаксические функции и сохранилось лишь в застывших формах. Причастие на *-асы²(-asi/-əsi)* в диалектах и говорах Кютахьи передает значение деепричастия на *-ынджа (-ınca/-ince)*: *Dayreler açılması gadak ben onu getirrin – Когда откроются помещения, я заберу его (её)* и т.д.³² Аффикс на *-asi/-əsi* в диалектах и говорах Кютахьи в отдельных случаях заменяет в предложении будущее на *-acaq* и прошлое на *-miş* времена глагола: *Hankı geri gelirse, o vuruluşuyamış “vurulacaktı” - будет убит” işeleri amirleri; ava çıkdımıs yere düşesi “düşmüş - упал” heralde*³³ и т.д.

Вместе с тем, причастный аффикс на *-asi/-əsi* в данных диалектах также передает значение *- tatak için - чтобы не*: ср. *dün bu vakitte yemin etik gavurdan kaçmayası (kaçtatak için - чтобы не бежать), gokmayasıya (korktatak için - чтобы не бояться), sen nereye geçiyon* и т.д.

Показательно, что отрицательная форма на *-асы²(-asi/-əsi)* в татарском языке почти не употребляется. В диалектах и говорах

³¹ Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова - Москва: Наука, - 1975. - с. 236.

³² Gülensoy, T. Kütahya ve yöresi ağızları (inceleme-metinler-sözlük) / T.Gülensoy. - Ankara: TDK yayınları, - 1988. - s. 111-112.

³³ Там же,- s. 112.

татарского языка причастная форма на *-asi/-əsi* выступает преимущественно в качестве инфинитива. Эта форма наиболее распространена в среднем диалекте татарского языка (заказанской, нагорной групп говоров, подберезенского, заказанско- и нижнекамско-кряшенских говоров).

Из вышеприведенного явствует, что большинство тюркских причастий многофункциональны: выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Однако некоторые тюркские причастия выступают лишь в атрибутивной функции. К таковым относятся причастие *-an/-ən* в азербайджанском, турецком и гагаузском языках, причастие *-tokçi* в узбекском языке и т.д.

В четвёртой главе диссертации, именуемой «**Морфолого-синтаксическая характеристика инфинитивов в тюркских языках**» исследуются грамматические особенности, приводится синтаксическая характеристика общетюркских инфинитивов на *-mak²* и *ma²* и специфических инфинитивов на *-arga²*, *-ganlyk²*, *-u/-uv*, *-иш*, а также раскрывается происхождение инфинитивных форм в тюркских языках и их диалектах. Помимо этого, прослеживается история изучения инфинитива, выявляются наиболее распространенные типы тюркских инфинитивов.

Четвёртая глава состоит из *2 подглав* и *6 параграфов*.

Вопросы о природе инфинитивов тюркских языков освещены в описательных грамматиках, статьях и исследованиях общего характера. Проблемы тюркского инфинитива освещены в отдельных монографиях, учебниках, кандидатских и докторских исследованиях, статьях А.А. Ахундова, В.Г. Алиева, Г. Мирзазаде, М. Гусейнзаде, С. Джафарова, М. Ширалиева, Ф. Зейналова, М. Аскерова, Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, В.М. Насилова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, Л.А. Покровской, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой, А.Г. Гуламова, В.Д. Аракина Б.К. Кутлымуратова, Г.Ш. Борукуловой, Н.Э.Гаджихамедова, Д.М. Мурзаевой, В.Г. Гузева, А.М. Мизиева, М.З. Жамьяновой, Э.Д. Саидовой, Л.А. Шаминой, Л.М. Ульмезовой, Н.Р. Харисовой, Д.Е.Акбаба, Е.Алкая, К.Эраслан, Ф.Гёкче, Дж.Тургунбаер, Й. Йылмаз, Д.Г.Тумашевой, Ф.М.Хисамовой, Ф.Ю.Юсупова и др.

Первая подглава четвертой главы, именуемая «**Грамматические особенности общетюркских инфинитивов**».

В данной подглаве четвертой главы рассматриваются общетюркские инфинитивы на $-mak^2(-tak^2)$ и $-ma^2(-ta^2)$.

Большинство ученых относительно этимологии инфинитива на $-tak/-tek$ в тюркских языках придерживаются точки зрения, согласно которой данный аффикс образовался посредством двух аффиксальных морфем $-ma$ и $-k$. Данная точка зрения была впервые высказана в 1916 году В. Бангом.

Одной из характерных особенностей инфинитива на $-tak/-tek$ в нахичеванском диалекте является то, что эта форма чаще используется с аффиксами $-lyx^2(-lix/-liğ/-lix/-lik/-liy)$: *danışmağ-liğ* – *разговаривать, беседовать, deməxləx- говорить* и т.д. Аналогичное явление наблюдается также и в шарурских говорах азербайджанского языка. Так, в указанных говорах инфинитивный аффикс на $-tak/-tek$ в отдельных случаях сочетается с формантом $-lyx^2$: *Minin rışməxliyi keçdi* – *Прошло время его варки*; *Dönməxliyə qalsa, bə unnan bərt döyülməlidir* – *Если на то пошло, то он больше него заслужил избения* и т.д.³⁴

В современном турецком языке также встречается вариант на $-маклык/-меклик (-maklık/-meklik)$. В указанном языке эту форму называют «распространенным инфинитивом». Форма на $-маклык/-меклик (-maklık/-meklik)$ с синтаксической точки зрения является грамматическим синонимом формы на $-ta$. Однако, данная форма в турецком языке менее употребительна, чем форма на $-ta$. Форма на $-маклык/-меклик (-maklık/-meklik)$ передает значение с оттенками возможности, способности субъекта в выполнении действия. В предложении рассматриваемая форма выступает в качестве развернутого главного члена предложения, развернутого второстепенного члена предложения (дополнения, обстоятельства, определения): *Bizim ələlə göstərməkliđimiz pek əci bir şeymiş* – *То, что мы не проявили интереса – весьма печально*³⁵.

³⁴ Имамкулиева, К.Г. Шарурские говоры азербайджанского языка: / автореферат диссертации кандидата филологических наук / - Баку, 1991. - с. 21.

³⁵ Кононов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н.Кононов. - Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, - 1956. - с. 466.

Как мы видим из приведенного выше примера, форма на *-taklik/-meklik* принимает аффиксы принадлежности. Помимо этого, данная форма может принимать и падежные аффиксы.

Отметим также, что фонетический вариант на *-маклык/-меклик* наблюдается и в каракалпакском языке: *келмеклик – процесс прихода* и т.д.

В отличие от других тюркских языков инфинитив на *-tak/-tek* в киргизском языке имеет также фонетические варианты с губными гласными: *-мак/-мек/-мок/-мөк*. Эта форма в современном киргизском языке менее употребительна по сравнению с другими инфинитивными формами и передает значение намерения, пожелания.

Примечательно, что фонетические варианты с губными гласными: *-мак/-мок/-мөк* функционируют также в эрсаринском, текинском, сарыкском, каракалпакском диалектах туркменского языка: эрсаринский диалект *-дүшмөк – литер. вариант – дүшмек – падать* и т.д.

Инфинитив на *-ta/-te* является одной из древнейших инфинитивных форм. В тюркских языках форма на *-ta/-te* прошла довольно сложный путь развития. Рассматриваемая инфинитивная форма встречается в самых ранних древнетюркских письменных памятниках, относящихся к V-XI векам.

В тюркских языках кыпчакской группы (татарском, башкирском и др.) инфинитивная форма на *-ta/-te* по своему значению совпадает с инфинитивной формой на *-ырга*.

Вторая подглава четвертой главы, именуемая **“Грамматические особенности специфических инфинитивов и имён действия в тюркских языках”**.

Во второй подглаве данной главы исследуются инфинитивы на *-арга²* и имена действия на *-иш⁴*, *-ганлык²* и *-у/-ув*.

Относительно этимологии инфинитива на *-арга/-ерге* в тюркологии бытует единая точка зрения, согласно, которой данная форма является сочетанием причастия будущего времени на *-ар/-ер/-ыр* и аффикса дательного падежа *-га/-ге*.

В некоторых тюркских языках данная форма является единственной инфинитивной формой (например, в хакасском языке: *ойнирга – играть* и т.д.).³⁶ Следует отметить, что форма

³⁶ Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова - Москва: Наука, - 1975. - с. 173.

на *-арга/-ерге* встречается в башкирском, хакасском, татарском, ногайском, карачаево-балкарском, чулымско-тюркском языкам, в редких случаях в тофаларском языке.

Имена действия на *-иш* является весьма древней формой. Эта форма встречается в памятниках *Бильге-кагану* и *Кюль-Тегину*: *уруш* от *ур* – *бить, ударять*; в древних памятниках уйгурской письменности: *ilis-* «прицепление» от «прицеплять», *alqus* – «благословление»³⁷ и т.д.

В тюркских языках имя действия на *-(u)ш* особенно продуктивна в уйгурском, узбекском, туркменском и киргизском языках.

Сфера употребления глагольных форм на *-ганлык/-гэнлек* в тюркских языках, в которых функционирует данная форма, различается. Рассматриваемая форма наиболее употребительна в каракалпакском, уйгурском, кумыкском языках. В татарском языке форма на *-ганлык/-гэнлек* отличается многофункциональностью, сочетает в себе грамматические признаки имен существительных и глагола.

Форма на *-ув* является весьма древней формой в тюркских языках. В тюркологии фонетическое развитие формы на *-ув* представлено следующим образом: *-(y)в < -гу (-гу) < -иг (-иг)*.

В письменных памятниках староузбекского языка наиболее употребительна форма на *-гу/-гу*. Однако, несмотря на то, что приведенные выше формы исторически являлись фонетическими вариантами одного и того аффикса, формы на *-(y)в* и *-гу(-гу)* в современном узбекском языке функционируют в настоящее время в качестве самостоятельных аффиксов и выполняют присущие себе функции.

В «Диване» Махмуда Кашгарского зарегистрированы случаи употребления формы на *-гу (-гу)*: *тургу ер*³⁸.

В киргизском языке данная форма имеет фонетический вариант *-уу// -оо*. В тюркских языках инфинитивная форма на *-ув* преимущественно выступает в качестве имени действия.

Однако в свете сказанного мы приходим к такому выводу, что форма на *-уу// -оо* в киргизском языке сочетается именно с аф-

³⁷ Соколов, С.А. О некоторых отглагольных именах в турецком языке (Отглагольные имена на *-dik, -acak, -mak, -maklık, -ma, iş*): / автореферат диссертации кандидата филологических наук) / - Москва, 1952. - с. 18.

³⁸ Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.А. Ауэзовой - Алматы: Дайк-Пресс, - 2005. - с. 71.

фиксами дательного падежа, в большей степени соответствует категории инфинитива в других тюркских языках: *жазууга болбойт* – *нельзя писать* и т.д.

В пятой главе, именуемой «**Специфические формы неличных форм глагола в тюркских языках**» проводится сравнительный анализ морфолого-синтаксических особенностей, а также раскрывается этимология специфических деепричастных форм на *-абас/-эбес*, *-ышлый/-эшли*, *-агадан/-эгеден*, *-адогон/-ядогон*, *-дыынан/-дыжаанан*, *-ышын/-ишин*, *-бан*, *-док*, *-ык/-к* и причастных форм на *-галак/-халак/-келек*, *-гадаг/-гедек*, *-хадаг/-кедег*, *-адаг/-эдэг*, – *увчу*, *-а/-е дурон/-дорон* в тюркских языках и их диалектах.

В тюркских языках и их диалектах существуют такие неличные формы глагола, которые встречаются лишь в некоторых из них, т.е. являются специфическими для того или иного тюркского языка.

Первая подглава пятой главы, именуемая “**Морфолого-синтаксические особенности специфических деепричастных форм в тюркских языках и их диалектах**”.

В первой подглаве пятой главы рассматриваются специфические деепричастные формы на *-абас/-эбес*, *ышлый/-эшли*, *агадан/-эгеден*, *-адогон/-ядогон*, *-дыынан/-дыжаанан*, *ышын/-ишин*, *-бан*, *-док*, *-ык/-к*.

Деепричастие на *-абас/-эбес* представляет собой специфическую форму качинского диалекта хакасского языка и семантически сходно с деепричастной формой на *-ып*⁴: *килебес* – *приходя*, *салабас* – *кладя* и т.д.³⁹ В отрицательной форме данная форма не употребляется.

Одной из специфических деепричастных форм тюркских языков является форма на *-ышлый/-эшли*, образованная посредством сочетания аффикса имени *-ыш/-еш*, аффикса *-ла/-лэ*, образующий глаголы и деепричастного аффикса на *-а/-э*, *-ый/-и*. Это деепричастие зарегистрировано в современном татарском языке и его диалектах.

В современном туркменском языке функционирует специфическая деепричастная форма на *-агадан /-эгеден*, *-агада /-*

³⁹ Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова - Москва: Наука, - 1975. - с. 243.

агеде// -гадын/-гедин. Эта форма в других тюркских языках не зарегистрирована.

Обращает на себя внимание деепричастно-причастная форма –*адогъон, -ядогъон, -эдогъон* в караимском языке: *айтадогъон – говоря (деепричастие)*. Аффикс –*адогъон* в караимском языке образует также причастные формы: *чыгъадогъон – выходящий* и т.д.⁴⁰

Деепричастия на –*дыынан* и –*дыжаанан* являются специфическими формами гагаузского языка: *ачтыынан –распускаясь* и т.д.⁴¹

Следует отметить, что деепричастный аффикс на –*дыынан* зарегистрирован также в диалектах Восточной Фракии Турции (*Doğu Trakya ağızları*): *ekin tarlasını gordunen – увидев посевные поля*⁴².

В некоторых диалектах турецкого языка зарегистрирована деепричастная форма на –*ışın/-işin* (преимущественно встречается в диалекте города Кютахьи, однако в единичных случаях также наблюдается в муглинском диалекте).

Эта форма передает значение аналогичное значению деепричастия на –*ınca*⁴. Примеры: *gelişin* (диалект Кютахьи) – *gelince* (литер.яз.) *когда придет*, *alışın* (диалект Кютахьи) – *alınca* (литер.яз.) – *когда возьмет* и т.д.⁴³.

В узбекском языке имеет место специфическая деепричастная форма на –*бан (-ban)*, который преимущественно употребляется в поэзии (не путать с исторической деепричастной формой азербайджанского языка –*ib+an = gəluban – придя* и т.д.): *Toxtä deban ikki kişi toşdi yol – Два человека перекрыли дорогу, сказав, остановитесь*⁴⁴.

⁴⁰ Мусаев, К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка / К.М.Мусаев. - Москва: Наука, - 1977. - с. 62.

⁴¹ Покровская, Л.А. О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке // - Москва: Тюркологические исследования, - 1963. - с. 73.

⁴² Günşen, A. Doğu Trakya ağızlarının şekilbilgisini belirleyen temel özellikler // - Ankara: Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, - 2008. с.3/3, - s. 445.

⁴³ Gülensoy, T. Kütahya ve yöresi ağızları (inceleme-metinler-sözlük) / T.Gülensoy. - Ankara: TDK yayınları, - 1988. - s. 112.

⁴⁴ Coşkun, V. Özbek türkçesi grameri / V.Coşkun. - Ankara: TDK yayınları, - 2014. - s. 171.

Ещё одной из специфических деепричастий в тюркских языках является форма *-докъ*. Эта деепричастная форма встречается лишь в современном кумыкском языке. Данный аффикс присоединяется к глагольной форме на *-гъан/-ген*. Например: *тургъан +докъ* – как только встал, *гелген+докъ* – как только пришел и т.д.⁴⁵

В диалектах тюркских языков зарегистрирован аффикс *-к*, который имел место в общетюркскую эпоху, где посредством которого образовывались причастия. Интересен факт, что в диалектах туркменского языка, а именно в эрсаринском и човдурском, аффиксы *-ик*, *-ук*, *-ук*, *-к*, *-ике* участвуют при образовании деепричастных форм. Например: *гөрүк гъайтды -навестив* вместо литературного *гөрүп гайтды – навестив* и т.д.⁴⁶

Вторая подглава пятой главы, именуемая **“Морфологосинтаксические особенности специфических причастных форм в тюркских языках и их диалектах”**.

Во второй подглаве пятой главы анализируются специфические причастные формы на *-галак/-халак/-келек*, *-гадаг/-гедек*, *-хадаг/-кедег*, *-адаг/-эдэг*, *-увчу*, *-а/-е дурон/-дорон*.

Причастный аффикс на *-галак* встречается в алтайском, хакасском, шорском, тувинском, барабинском диалекте сибирских татар, киргизском и якутском языках. В киргизском и якутском языках этот аффикс функционирует в следующих фонетических вариантах: *-а елек* (кирг.) и *-а илик* (якут.).

Функционирование причастия на *-галак* и в «сибирских» тюркских языках, а также в современном якутском языке является, на наш взгляд, результатом влияния древнекыргызского языка.

Форма на *-гадаг/-гедег*, *-хадаг/-кедег*, *адаг/ -едег* в хакасском языке является *причастием* будущего предположительного времени и сочетается как с положительной, так и с отрицательной формами глагола. Данная форма встречается также в шорском языке.

⁴⁵ Джанмавов, Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке / Ю.Д. Джанмавов. - Москва: Наука, - 1967. - с. 183.

⁴⁶ Аннауров, А. Эрсаринский диалект туркменского языка / А.Аннауров, Р.Бердыев, Н.Дурдыев [и др.]. - Ашхабад: Ылым, - 1972. - с. 171.

Причастная форма на *-увчу* зарегистрирована в караимском, узбекском, татарском, карачаево-балкарском и киргизском языках.

В караимском языке аффикс на *-увчу* образует причастия как настоящего, так и прошедшего времени: *айтувчу* – *говорящий, говоривший* и т.д.⁴⁷

В татарском языке аффикс на *-увчу* имеет несколько иной фонетический облик: *-учы/-уче* и относится, в отличие от караимского языка, к причастиям только настоящего времени.

В оламском диалекте туркменского языка зарегистрирована специфическая причастная форма на (*-а, -е*) *-дурон, -дорон* = литер. *-ян, йән*. Сравним для наглядности: *чыкъадорон* = литер. *чыкян* – *выходящий*⁴⁸ и т.д.

В диалекте черневых татар (туба-кижи) причастная форма на *-а торган* имеет фонетический вариант *-атан//этен, -йтан//йтен*. Это причастие в рассматриваемом диалекте относится к причастиям будущего должностовательного причастия.

В диалекте западносибирских татар причастие на *-а торган* выступает в фонетической форме на *-атогон/-атаган/-этэгән/-атын/-этен* и передает значение настоящего времени.

Форма на *-а торган* в современном казахском языке выступает в фонетическом варианте *-атын/-етін/-итын*.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются основные результаты и формулируются выводы, а также намечаются дальнейшие перспективы работы по данной проблеме.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Основное различие между личными и неличными формами глагола тюркских языков сводится к тому, что личным формам присущи лишь глагольные категории, для неличных же, помимо глагольных признаков, свойственны и грамматические категории других частей речи. Например, причастия тюркских языков, подобно глаголу, обладают темпоральностью, а также сочетают-

⁴⁷ Мусаев, К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка / К.М.Мусаев. - Москва: Наука, - 1977. - 100 с.

⁴⁸ Гаджиева, Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики (среднеазиатский ареал) / Н.З.Гаджиева. - Москва: Наука, - 1975. - с. 175.

ся с падежными и личными аффиксами, принимают аффиксы множественности. В предложении обычно выступают в атрибутивной функции.

2. Современные тюркские языки богаты деепричастиями, что обусловлено с функционированием генетически родственных и схожих с семантико-функциональной точки зрения форм. Самые древние деепричастные формы встречаются почти во всех современных тюркских языках (-ын, -а/-е). Некоторые деепричастия встречаются либо в отдельных тюркских языках (деепричастия на -гач, -анда, -док и т.д.), либо являются специфическими формами одного тюркского языка (деепричастия якутского и чувашского языков). Интересен тот факт, что некоторые деепричастные формы в диалектах и говорах тюркских языков функционируют не только как деепричастия, но и как инфинитив (деепричастие на -галы в диалекте западносибирских татар).

3. Деепричастия в тюркских языках преимущественно выполняют функцию обстоятельство *времени, причины, цели, способа* или *образа* действия. В лексико-семантическом аспекте деепричастные формы передают значение однородного глагольного сказуемого, функцию сказуемого придаточного предложения, функцию сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения; функцию второстепенного сказуемого.

4. Интерпретация тюркских деепричастных форм как неизменяемой формы безосновательна. Поскольку, в большинстве тюркских языках деепричастные формы могут принимать аффиксы падежа, числа и лица. В первую очередь, это явление присуще деепричастиям якутского языка, которые способны изменяться по лицам и числам, а также принимать падежные аффиксы. Сравнительный анализ показывает, что деепричастия в тюркских языках в большинстве случаев сочетаются с аффиксами исходного и местного падежей: тур. *basaraktan* – *наступающая*; башк. *кайткастан* – *возвращаясь*; кумык. *айтгъынчадан берли* – *задолго до того, как ты рассказал*; тув. *келгеште* – *придя* и т.д.

5. Деепричастия тюркских языков подразделяются на первичные и вторичные. Самыми древними деепричастными формами тюркских языков являются первичные деепричастия, которые могут употребляться в удвоенных вариантах, а также с вспомогательными глаголами.

6. Тюркские деепричастные формы, в основном, выступали в качестве деепричастий, а позже служили основой личных форм изъявительного наклонения. Свидетельством этому предположению служат данные памятников древнетюркской письменности. К примеру, в древнетюркских языках деепричастия на *-ып* не употреблялись в качестве временных форм изъявительного наклонения личного глагола, а функционировали в атрибутивно-обстоятельственной функции относительно другого глагола.

7. Деепричастие на *-дыкча⁴* (*-dikça⁴*) характерно главным образом для огузской группы тюркских языков. При этом деепричастие на *-dikça⁴* встречается также в тюркских языках кыпчакской группы (крымско-татарский, старотатарский и др.).

8. Деепричастие на *-алы²/-галы²* (*-gali/-geli*) главным образом выражает значение времени и цели. В некоторых тюркских языках деепричастие на *-gali/-geli*, *-алы²/-галы²* может выражать оба значения: времени и цели. В некоторых диалектах и говорах тюркских языков форма на *-gali/-geli-алы²/-галы²* употребляется в качестве инфинитивов. Например, в диалекте западносибирских татар: *ултыргалы – садиться, кайтгалы – вернуться*, в айском говоре восточного диалекта башкирского языка: *һуғышкалы кәс кәрәк – чтобы сразиться, нужна сила*, в тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах сибирских татар: *китқале – уходить, қайтқалы – уезжать, белгәле – знать*.

9. Отдельные деепричастные и причастные формы в тюркских языках употребляются не только в качестве деепричастий и причастий, но и в качестве личной формы глагола (деепричастие на *-ып⁴* (*-ip⁴*, *-ib⁴*), причастие на *-мыш⁴* (*-miş⁴*), *-аджак²* (*-acak²*), *-ар(-ar)²*, *-ган²* (*-gan²*) (в тюркских языках кыпчакской группы)).

10. Деепричастия, причастия и отглагольные имена в тюркских языках, употребляются не как придаточные предложения, а в качестве развернутых членов предложения. Доказательством данного воззрения могут служить следующие положения: а) сказуемое придаточного предложения передается личными формами глагола, подлежащее придаточного предложения может выступать только в именительном падеже. Личное согласование подлежащего и сказуемого придаточного предложения является обязательным условием, а в деепричастных, причастных, условных оборотах такого согласования не наблюдается; б) придаточное предложение обычно передает относительно законченную мысль, а деепричастные, причастные обороты не

способны выражать законченную мысль; в) придаточное предложение обозначает либо один из членов главного предложения, либо все главное предложение, тогда как деепричастные, причастные обороты сопрягаются лишь с выделенными членами главного предложения; г) придаточное предложение способно функционировать самостоятельно, тогда как деепричастные, причастные обороты не употребляются вне сложноподчиненного предложения; д) составляющие сложноподчиненного предложения могут выступать в качестве отдельных предложений (повествовательными, восклицательными, вопросительными, побудительными, простыми и т.д.), тогда как деепричастные, причастные обороты всегда функционируют как обороты; е) придаточные предложения сопрягаются с главным предложением посредством подчинительных союзов, подчинительной интонации, частиц, союзных слов и др., тогда как деепричастные, причастные обороты связываются с членами предложения лишь посредством падежных форм и послелогов.

11. Древние причастные формы функционируют почти во всех современных тюркских языках *-ан, -ар (-an/-en, -ar/-ır)*. Причастные формы в древнетюркском языке и в современных тюркских языках характеризуются особенностями своего употребления. Отдельные причастные аффиксы являются общими для тюркских языков. Наряду с этим, зарегистрированы некоторые причастные формы, присущие исключительно либо языку древнетюркских письменных памятников, либо современному тюркскому языку. Такого рода особенности употребления зависят, на наш взгляд, влиянием, как экстралингвистических факторов, так и собственно изменениями в грамматической системе тюркских языков. Древнетюркским причастным формам в современных тюркских языках соответствуют следующие причастные формы: форме на *-гу⁴ (-gu/-gü, -qu/-kü)* соответствует причастие будущего времени на *-аджак (-acak/-ecek)*, формам на *-дачы (-daçy), -зма (-gma), -гли (-gli)* соответствует - причастие настоящего времени на *-ан (-an/-en)* в огузских языках, *-ган (-gan)* в кыпчакских языках, форме на *-сыг (-siq)* соответствует причастие на *-малы (-malı/-meli)* (например, в азербайджанском языке), форме на *-йуг (-juq)* соответствует причастие на *-мыш⁴ (-miş⁴)*, форме на *-гулуг (-guluq)* соответствует причастие будущего времени на *-аджак (-acak/-ecek)*. Причастная форма на *-йуг (-juq)* из современных тюркских языков сохранилась с различными фонетиче-

скими вариантами лишь в тувинском, хакасском и тофаларском языках. В тувинском языке данная форма функционирует в фонетическом варианте *-чык*, в хакасском - *-чых*, тофаларском - *-чжык*. В современных тюркских языках причастная форма *-gli* (*-(y)gly/-i)gli/-(y)gly/-i)kli*) не употребляется. Однако рудименты исследуемой формы зарегистрированы в языке «*Кутаби - Деде Коркуда*» - *görüklü – görən* - *видящий*.

12. Среди тюркских языков огузской группы туркменский язык занимает обособленное положение: в функционировании системы неличных форм глагола в туркменском языке в основном обнаруживается влияние кыпчакских языков. Так, в туркменском языке, подобно тюркским языкам кыпчакской группы, причастие на *-ан* (*-an/-en*) передает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени, деепричастие на *-ып⁴* (*-ip⁴*) сочетается с аффиксом *-рак* (*-rak*), деепричастие на *-ынджа* (*-insa⁴*) принимает аффиксы лица. В письменных памятниках туркменского языка XVIII-XIX вв. причастная форма на *-ан* (*-an*) функционирует в форме *-ган* (*-gan*), которая характерна в основном тюркским языкам кыпчакской группы: ср. *ачылмаган пир гунчаны гөзләрмән* – *Я щу нераскрывшийся свежий бутон*.

13. В тюркских языках некоторые причастные формы прошедшего времени передают значение настоящего и будущего времени (например, форма на *-ган* (*-gan*) в *карачаево-балкарском, тувинском, шорском* языках) и, наоборот, причастия настоящего-будущего и будущего времени выражают также значение прошедшего времени (например, форма на *-ар* (*-ar²*); *-ыр* (*-ir⁴*) в якутском языке). В языке орхоно-енисейских памятников причастная форма на *-ар²*; *-ир⁴* может выполнять одновременно 3 функции: атрибутивную, субстантивную и предикативную.

14. Относительно грамматического статуса причастий в тюркских языках мы склоняемся к точке зрения, что причастие в тюркских языках не является самостоятельной частью речи. Доказательством данной гипотезы, являются следующие свойства причастия: а) слова, входящие в состав той или иной самостоятельной части речи, имеют собственную частеречную семантику, и выступают в соответствующей функции; причастие же передает значение функции той части речи, в качестве которой оно

используется в контексте; б) самостоятельные части речи образуются посредством лексико-грамматических аффиксов, а причастия - функционально - грамматических аффиксов; в) самостоятельные части речи обладают собственными категориями и грамматическими значениями, в то время как причастия передают категориально-грамматические значения глагола и прилагательного. Известно, что каждая часть речи имеет определенный набор как семантических, так и грамматических признаков. Части речи, не имеющие четко выработанного состава признаков, никогда не будут определяться как самостоятельные.

15. Несмотря на то, что причастная форма на *-дык (-dik⁴)* в тюркских языках относится к причастиям прошедшего времени, в зависимости от контекста может выражать значение настоящего и будущего времени. Причастная форма на *-дык (-dik⁴)* будучи присущей преимущественно тюркским языкам огузской группы, встречается также в некоторых тюркских языках других групп (башкирский, тувинский, якутский) и т.д.

16. Большинство тюркских причастий многофункциональны: выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Однако некоторые тюркские причастия выступают лишь в атрибутивной функции. К таковым относятся причастие *-ан (-an/-ən)* в *азербайджанском, турецком и гагаузском* языках, причастие *-тоқси* в *узбекском языке* и т.д. Якутский язык стоит несколько особняком в семье тюркских языков. Лишь в якутском языке все причастия являются полифункциональными, т.е. выступают в атрибутивной и предикативной функциях.

17. Инфинитивы, будучи гибридными формами, совмещают в себе именные и глагольные свойства. Среди тюркских инфинитивов имеют место формы, занимающие «промежуточное» положение на этапе формирования, которые до сих пор ещё не перешли в ту или иную категорию неличных форм глагола. К таковым относится, например, формы на *-ыш (-iş)*, *-ув (-uv)*.

18. Несмотря на то, что в некоторых тюркских языках и их диалектах «имена действия» и «инфинитивы» выступали синонимическими терминами одной глагольной формы, на наш взгляд, имена действия необходимо отграничивать от инфинитивов и рассматривать в качестве отдельной глагольной формы.

19. В тюркских языках инфинитивы функционируют с неодинаковой активностью. Иначе говоря, в одних тюркских языках та или иная инфинитивная форма является единственной формой и распространена довольно широко, в остальных тюркских языках в качестве инфинитива выступают другие формы. К примеру, в азербайджанском языке в качестве инфинитива обычно рассматривают лишь инфинитивную форму на *-мак/-мек*. Формы на *-ыш*, *-ма/-ме*, *-у(в)*, *арга*, *-ерге*, *-ырга*, *-ирге* в тюркских языках кыпчакской и карлукской групп выступают в различных фонетических вариантах в качестве инфинитива и имён действия.

20. В некоторых тюркских языках инфинитивы не имеют отрицательного аспекта (например, в кумыкском языке форма на *-мак* не имеет отрицательной формы).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Азербайджанской Республики и Российской Федерации:

1. К вопросу о деепричастии на *-madan/-meden* в тюркских языках // Баку: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук, - 2011. №3, - с. 105-112.

2. Türk dillərində fəli bağlamaların dəyişməzliyi məsələsinə dair // - İran-Tehran: Varlıq-Quarterly Journal in Turkish and Persian, - 2012. - s. 84-92.

3. Сравнительно-этимологический анализ причастия будущего времени на *-асак/-есек* в тюркских языках // - Баку: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук, сентябрь, - 2012. №2, - с. 36-45.

4. К вопросу о сравнительно-историческом анализе причастия будущего времени на *-аси/-еси* в тюркских языках // - Баку: Ученые записки. Серия Язык и литература Бакинского Славянского Университета, - 2012, №1, - с. 42-49.

5. Сравнительно-исторический анализ инфинитива на *-ма/-ме* в тюркских языках // - Горно-Алтайск: Мир науки, культуры,

образования” международный научный журнал, - 2012. №6 (37), - с. 39-43.

6. О сходных и отличительных особенностях деепричастной формы на *-iken/-ken* в тюркских языках: синхронический и диахронический аспекты // - Баку: Bakı Universitetinin Xəbərlər, humanitar elmlər seriyası, - 2012. №4, - с. 13-20.

7. К вопросу о сравнительно-историческом исследовании семантико-морфологических особенностей причастной формы на *-dik⁴* в современных тюркских языках // - Тамбов: Филологические науки. Вопросы теории и практики, - 2013. №3, ч.2, - с. 133-138.

8. Синхронно-диахронический анализ инфинитива на *-mak/-mek* в тюркских языках // - Баку: Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, - 2013. №1, - с. 82-99.

9. Структурно-семантические и синтаксические особенности деепричастной формы на *-dikça⁴* в современных тюркских языках // - Иркутск: Вестник Иркутского Государственного Лингвистического Университета, - 2013. № 2(23), - с.161-168.

10. К вопросу о деепричастной форме на *-gali/-geli* в тюркских языках // - Пятигорск: Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, - 2014. №1, - с. 71-75.

11. К проблеме сравнительного анализа причастия на *-mıs⁴* в тюркских языках // - Республика Карелия, Петрозаводск: Ученые записки Петрозаводского Государственного университета, Серия: Общественные и гуманитарные науки), - 2014. №7(144), - с. 52-56.

12. Сравнительный анализ нестандартных инфинитных форм глагола в тюркских языках и диалектах // - Баку: Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, - 2016. №1, - с. 199-214.

13. The problem of knowledge of the non-finite forms of the verb in the Turkic languages // - Баку: Terminologiya məsələləri, - 2017. №1, - р. 90-96.

14. Теоретические аспекты изучения инфинитива в тюркских языках // - Баку: Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, - 2017. №1, - с. 240-248.

15. Основные аспекты изучения категории деепричастия в тюркологии // - Bakı: Tədqiqələr, - 2017. №3, - с. 41-54.
16. Проблемы становления и классификации причастий в тюркологии // - Bakı: Terminologiya, - 2017. №3, - с.101-112.
17. Türk dillərində feili bağlamaların və feili sifətlərin öyrənilməsinin nəzəri problemləri // - Bakı: Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, - 2018. №1, - s. 355-361.
18. Türk dillərində və dialektlərində məsdərlərin və feili isimlərin öyrənilməsinin əsas istiqamətləri // - Bakı: Terminologiya məsələləri, - 2018. №1, - s. 36-42.
19. Историческое развитие некоторых деепричастных аффиксов прошедшего времени в тюркских языках и диалектах // - Bakı: Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, - 2018. №2, - с. 335-346.
20. Специфика некоторых первичных конвербиальных форм в тюркских языках и диалектах // - Bakı: Terminologiya məsələləri, - 2018. №2, - с. 39-52.
21. Türk dillərində bəzi feili bağlamaların etimoloji və morfoloji-sintaktik təhlili // - Bakı: Terminologiya məsələləri, - 2019. №1, - s. 31-39.
22. Türk dillərində feili sifətlər: struktur-semantik xarakteristika // - Bakı: Dilçilik araşdırmaları, - 2019. №1, - s. 93-99.
23. On the structure and functions of adverbial participle affixes in the dialects of turkic languages // - Bakı: Terminologiya məsələləri, - 2019. №2, - p. 37-50.
24. Functional-semantic potential of some common Turkic infinitives // - Bakı: Terminologiya məsələləri, - 2020. №1, - p. 50-67.
25. Türk dillərində və dialektlərində feili bağlamaların spesifikasiyasına dair // - Bakı: Dilçilik araşdırmaları, - 2020. №1, - s. 52-57.

Монографии

26. Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении) / А.Мешади-ева. - Баку: Язычы, - 2016. - 234 с.

27. Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках / А.Мешадиева. - Баку: Шуша, - 2017. - 236 с.

28. Инфинитивы и имена действия в тюркских языках / А.Мешадиева. - Баку: Типография “Red N Line” ООО, - 2018. - 136 с.

29. Избранные вопросы современной науки (коллективная монография) / Под ред. д-р пед. наук, проф. С. П. Акутина, ч.4. - Москва: Перо, - 2011. - 345 с.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах

30. Деепричастия на *-ып, -ип, -уп, -юп, -п* в тюркских языках огузской группы // - Москва: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, - 2010. №7, - с. 217-223.

31. On some specific non-finite forms of verbs in the Turkic languages // - India: International Journal of Science and Research (IJSR), ISSN (Online) (Global impact factor): 2319-7064, - 2015, v.4, Issue 7, - p. 500-505.

32. Comparative-historical analysis of the infinitive form in –oov in the Turkic languages // - Rome-Italy: Mediterranean Journal of Social Sciences, ISSN 2039-9340 (print) ISSN 2039-2117 (online), - 2015. v.6, No 6 S2, - p. 203-209.

33. On some future tense participles in modern Turkic languages // - Palestine: International Humanities Studies (Global Impact Factor indexed), ISSN 2311-7796 (online), - 2016. v.3, No 1, - p. 27-39.

34. Participles in the Turkic languages and dialects // Researchers World – Journal of Arts, Science & Commerce (Global Impact Factor indexed: 0.685), India: - 2016. v.VII, Issue 2, - p. 39-47.

35. Проблемы исторического развития причастий в тюркских языках// - Новосибирск: Исследования и разработки в области филологии и лингвистики, - 2017. - с. 48-59.

36. О некоторых субстантивных формах глагола в тюркских языках и их диалектах // - Praha, Česká Republika: “Filologické vědomosti”, - 2018. № 1, - p. 12-22.

37. К вопросу о некоторых первичных деепричастиях в тюркских языках // - Новосибирск: Перспективные исследова-

ния и разработки. Новый взгляд: сборник научных трудов, - 2018. Выпуск 2, - с. 83-92.

38. Место тюркских инфинитивов в системе неспрягаемых форм глагола // - Warszawa, Polska: Colloquium-journal, - 2018. №8(19), Część 4, - р. 42-45.

39. К вопросу об истории развития некоторых вторичных деепричастных аффиксов в тюркских языках // - Россия, Уфа: Научный обозреватель, - 2018. №12, - с. 33-39.

40. Present-future tense participles in Turkic languages: structural-semantic and functional analysis // - Республика Башкортостан, Уфа: “ВЫСШАЯ ШКОЛА” Научно-практический журнал, - 2019. №19, - с. 24-29.

41. A comparative analysis of the noun of action ending in –ish in the modern Turkic languages // - The Czech Republic: AD ALTA: Journal of interdisciplinary research, ISSN 1804-7890, ISSN 2464-6733 (ONLINE), - 2021. vol.11, issue 1, special issue XVII, March (WEB OF SCIENCE), - р. 98-101.

Материалы конференций

42. Особенности деепричастия на *-a, -e, -й*, в тюркских языках огузской группы // Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации гуманитарных и естественных наук», - Екатеринбург: - 2010, - с. 48-50.

43. Сходные и отличительные черты деепричастной формы на *- ып, - ип, - уп, - юп, - п* в тюркских языках кыпчакской группы // Материалы международной научно-теоретической конференции «Гуманитарное измерение современного мира», - Караганда: - 2010, - с. 89-94.

44. Сравнительный анализ деепричастий на *-a, -e, -й* в тюркских языках кыпчакской группы // Материалы II международной научно-практической конференции «Наука в современном мире», - Москва: - 2010, - с. 319-324.

45. К вопросу о принятии деепричастиями аффиксов морфологических категорий в тюркских языках // IV международная

научно-практическая конференция «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук», - Москва: - 2010, - с. 127-130.

46. О некоторых фонетических и морфологических особенностях деепричастия на -ынджа, -индже, -унджа, -юндже в тюркских языках // Материалы X-ой (юбилейной) Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной науки», - Москва: - 2010, - с. 319-327.

47. О некоторых особенностях деепричастия на -арак /-ерек в тюркских языках огузской группы // International scientific journal “Global Science Communications”, Matters of international scientific internet conference: “Current scientific problems 2011”, - Cranendonck, Netherlands: - 24-31 January 1(7), - 2011, - p. 4-9.

48. Морфолого-семантические особенности деепричастия на -alı/ -eli в тюркских языках // Материалы III Международной научно-практической конференции «Лингвистика в современном мире», - Москва: - 2011, - с. 94-104.

49. О сходных и отличительных особенностях причастной формы на $-ar^2$; $ır^4$ в тюркских языках // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Лингвистика в современном мире». - Москва: - 31 августа, - 2011, - с. 88-101.

50. О некоторых общих и дифференциальных признаках инфинитивной формы на $-arga/-erge$ в тюркских языках // VI Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты», - Новосибирск: - 30 августа, - 2013, - с. 177-185.

51. К вопросу о категориальном статусе причастия в тюркских языках // “European Science and Technology: 7th International scientific conference”, - Germany, Munich: - April 23th – 24th, - 2014, - p. 209-213.

52. On comparative analysis of the adverbial participle form ending in $-gach/-gech$ in the Turkic languages // 2nd International scientific-practical conference “Innovations in science, technology and the integration of knowledge”, - London: - 27 February - 2 March, - 2015, - p. 184-194.

53. Müasir türk dillərində və dialektlərində feili bağlamaların şəxs və hal şəkilçiləri ilə işlənməsinə dair // I Türkoloji Qurultayın 90

illiyinə həsr olunmuş “Türkoloji elmi-mədəni hərəkətdə ortağ dəyərlər və yeni çağırışlar” mövzusunda Beynəlxalq Konfrans, - Bakı: - 14-15 noyabr, - 2016, - c. 43-48.

54. Müasir türk dillərində feilin şəxssiz formalarının öyrənilməsinə dair // Müasir dilçiliyin aktual problemləri. Beynəlxalq elmi konfransın materialları, - Sumqayıt: - 24-25 noyabr, - 2016, - c. 88-87.

55. Древнетюркские причастные формы и их эквиваленты в современных тюркских языках // XXIX Международная научно-практическая конференция «Язык и культура», - Новосибирск: - 23 мая, - 2017, - с. 117-125.

56. Eski türkçedeki sıfat-fiil eklerinin çağdaş türk lehçələrində eşdeğerleri // XII. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı, - Bükreş-Romanya: - 25-28 Eylül, - 2017, - s. 84-89.

57. Türk Lehçelerinde ve Ağızlarında Spesifik Zarf-Fiil Ekleri Üzerine // XIII. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı, - Varşova – Polonya: - 25 - 28 Eylül, - 2018, - s. 731-738.

58. Çağdaş türk lehçələrində və ağızlarında bazı sıfat-fiillərin fərqli istifadəni xüsusiyyətləri üzərinə // XIV. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı, - Bakü – Azərbaycan: - 2019, - 26 - 27 Eylül . - s. 58-68.

59. Nəsimi dilində və türk dillərinin dialektlərində feilin bəzi spesifik şəxssiz formalarına dair // İmadəddin Nəsiminin poetik dili və Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi məsələləri // Respublika elmi konfransının materialları, - Bakı: - 29 noyabr, - 2019, - s. 45-50.

60. Critical analysis of the views of turkologists on the etymology of some Turkic secondary adverbial participles // Science. Education. Practice: materials of the International University Science Forum, - Canada, Toronto: - May 27, - 2020, - p. 70-81.

61. Türk lehçelerinde ve ağızlarında zarf-fiil eklerinin şahıs ve durum ekleriyle istifadəni // XV. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı Bildirileri, - Gürcüstan-Tiflis: - 25-28 Eylül, - 2020, - s. 21-28.

На монографии, отражающие основные положения диссертации, опубликованы нижеследующие рецензии:

1. f.e.d., prof. *Sayalı Sadıqova*. Müasir dilçilik elminə daha bir töhfə. “*Azərbaycan qəzeti*”, - 2017-ci il, - 23 aprel

2. f.e.d., prof. *Məsud Mahmudov*. Рецензия на книгу: А.Э. Мешадиева «Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении). - Баку: - 2016. - 234 с.». *Новый взгляд. Международный научный вестник, выпуск 16, Новосибирск: Издательство ЦРНС, - 2017.- с.177-179*

3. f.e.d., prof. *İsmayıl Kazımov*. Sistemli araşdırma və müqayisəli morfolojiyaya dəyərli töhfə. “*525-ci qəzet*”- 2017-ci il, - 09 fevral.

4. f.e.d., prof. *Sevil Mehdiyeva*. Рецензия на книгу: А.Э. Мешадиева «Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках». *Filologické Vědomosti, ISSN 2464-6768, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», Praha, Česká Republika, № 4, - 2017. - с.58-60*

5. Akademik *Nizami Cəfərov*. Aynelin türkoloji axtarışları // *Ədəbiyyat qəzeti*, - 2018-ci il, - 16 yanvar.

6. f.e.d., prof. *Məhərrəm Məmmədli*. Рецензия на книгу: А.Э. Мешадиева «Инфинитивы и имена действия в тюркских языках». *Научно-практический журнал “Высшая школа”, ISSN 2409-1677, - Россия, г.Уфа, Издательство «Инфинити», июнь, №11, - 2018. - с.5-7*

7. f.e.d., prof. *Sənubər Abdullayeva*. Исследования тюркских неспрягаемых форм глагола в русле традиций сравнительно-исторического языкознания. *Terminologiya məsələləri*, - Bakı: Elm, №2, - 2018.- с.255-259

8. f.e.d., prof. *İsmayıl Məmmədli*. Türkoloq alimin növbəti uğuru // *Dilçilik İnstitutunun əsərləri*, - Bakı: Elm və Təhsil, №2, - 2018. - s.366-369

Защита диссертации состоится 2 ноября 2021 года, в 11⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета ЕД 1.06 при Институте Языкознания имени Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Адрес: Баку, AZ 1143, Проспект Г.Джавида 115, V этаж, Институт Языкознания имени Насими НАНА.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института Языкознания имени Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Электронная версия диссертации и автореферата размещена на официальном сайте Института Языкознания имени Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

Автореферат разослан по соответствующим адресам 1 октября 2021 года.

Подписано в печать: 28.10.2021

Формат бумаги: 60x84.16¹

Объём: 81 363

Тираж: 70